

Зачем
тебе алиби...

Кто-то
должен умереть

Анна
МАЛЫШЕВА

ГОЛОСА НОЧИ

ЗАЧЕМ ТЕБЕ
АЛИБИ...
КТО-ТО
ДОЛЖЕН
УМЕРЕТЬ

Анна Малышева

Голоса ночи (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.

<https://litres.ru/3940845>

*Малышева, А. В. Голоса ночи (сборник): АСТ, Астрель; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-074599-9, 978-5-271-36328-3*

Аннотация

<p>Анна Малышева – один из самых популярных писателей детективного жанра. Из-под ее пера уже вышло более трех десятков книг общим тиражом более пяти миллионов экземпляров. Мастерски закрученная интрига, психологизм характеров и неожиданная развязка – вот главные составляющие остросюжетных романов, вошедших в сборник «Голоса ночи».</p> <p>Хотите настоящий детектив – возьмите роман Анны Малышевой!</p>

Содержание

Зачем тебе алиби...	4
Глава 1	4
Глава 2	34
Глава 3	73
Глава 4	101
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Анна Малышева

Голоса ночи

Зачем тебе алиби...

Глава 1

Девушка шла по улице медленно, с трудом передвигая ноги. Устала после бессонной ночи? «Ничего подобного!» – ответила бы она, если бы кто-то ее об этом спросил. Никогда не любила признаваться в своих слабостях, а слабостей было предостаточно. Но кто стал бы ее спрашивать на пустынной улице в шесть часов утра? Девушка поднесла к глазам левую руку, посмотрела на часы. Красивые часы, дорогие, и рука тоже красивая, тонкое запястье с выдающейся косточкой, длинные пальцы. «Как у пианистки, – подумала она. – Но я не умею играть. Ни на пианино, ни на губной гармошке. Ни слуха, ни голоса. Танцую плохо. Хожу, как корова. Давай, шевели ногами! Давно пора быть там».

Майское утро, холодное ясное утро. Пустая улица. Она бесшумно шагала в мягких туфлях на плоской подошве. Каблуков она носить не умела, шаталась на них: с детства была плохая координация движений и с годами ничего не

улучшилось. Вот он – дом, который ей нужен. Девушка остановилась, еще раз посмотрела на часы. Поняла, что делает это специально, чтобы оттянуть тот момент, когда придется войти в подъезд, подняться по лестнице, открыть дверь. Но сейчас она все это сделает.

И она сделала все это. Вошла в подъезд, стала подниматься вверх, глубоко сунув руки в карманы голубого плаща, чтобы не хвататься за перила. Скверная привычка. «Ты как старуха, – часто ругал ее муж. – Скоро костыль тебе куплю. Двадцать пять лет, а по лестнице поднимаешься полчаса». Наплевать. Пятый этаж. Лифта нет. Пятый этаж – последний. Хрущевский дом. Узкая лестничная площадка. Две двери, одна обита бордовой поддельной кожей. Железная дверь. «Под кожей – железо, – почему-то подумала она. – Вот бы и мне так. Немножко железа под мою кожу, чтобы не было этого противного страха. А бояться ведь нечего. Я – ничемная дура. Трусиха. Так он всегда говорил. Идиотка. Доставай ключи! Открывай дверь! Заходи! Ты же сто раз обдумала, как сделаешь все это сегодня утром!» Она всегда говорила с собой в таком тоне, если не могла на что-то решиться. Очень часто говорила. Получалось, что существуют две Анжелики. Первая – трусиха, дурочка, паникерша. Вторая – умная, сильная, уверенная в себе, отдающая приказы слабой подруге. Но секрет был в том, что второй, сильной Анжелики никогда не существовало. Она ее выдумала, чтобы было легче жить.

Ей было двадцать пять лет. На ней был голубой плащ, джинсы, помятая белая рубашка, туфли на плоской подошве. Черные волосы до плеч, серые глаза, неуверенная улыбка. Когда она улыбалась, казалось, что о чем-то хочет спросить собеседника. Кого-то эта улыбка удивляла, кого-то, например ее мужа, раздражала.

Анжелика достала ключи, отперла дверь, потянула ее на себя, вошла. Ноги подкашивались. Все силы ушли на то, чтобы снова прикрыть за собою дверь и запереть ее изнутри. А как не хотелось этого делать!

Родная квартира. Она постояла на пороге, прислушалась. Абсолютная тишина. Значит, все удалось. Иначе он бы сейчас вышел, хмуро посмотрел ей в глаза, скривил губы, спросил: «Где была?» А его нет. Как тихо! Тихо в обеих комнатах и на кухне. Все – малюсенькое, но не убогое. Он сделал хороший ремонт. Конечно, не своими силами – руки у него к тяжелой работе не приспособлены. В квартире сняли ужасный вонючий пол из потертого крагиса, настелили ковровое покрытие, положили мраморную плитку на кухоньке. Обои тоже содрали, выкрасили стены в пастельные нежные цвета, довели до ума потолок, поменяли все окна и двери. «Жить бы и жить», – при этой мысли ей стало нехорошо. Какой-то дурацкий смех защекотал горло. «Ну, прекрати, – приказала она себе. – Иди в комнату. Вот в эту. Дура!» «Почему вот в эту?» – слабо возразила она самой себе. Откуда ты знаешь? Насчет комнаты никто не договаривался...» «Знаю, и все.

Это его комната, понимаешь? – ответила сильная Анжелика. – Значит, он там. А тебя никто не спросил. Вот открой дверь и увидишь, что я была права».

Она открыла дверь его комнаты. Бросила беглый взгляд, сжалась, но не закричала, не заплакала. В конце концов, она знала, что именно увидит. Только смотреть больше не хотелось. Она вошла, прислонилась спиной к холодной гладкой стене. Руки при этом снова держала в карманах. Когда она их туда сунула – не помнила. Ничего больше не помнила, и никто не подавал ей советов. Сильная Анжелика умолкла. Она осталась со своим страхом наедине. В комнате было темно – окно задернуто плотными шторами, которые совсем не пропускают света. Если бы не щелка между шторами, она бы ничего не увидела.

«Посмотри на пол, – сказала она себе. – Для начала еще раз посмотри на пол и скажи, что ты там видишь». Глаза уже привыкли к слабому освещению, но смотреть она больше не хотела. Закрыла глаза. «Я сейчас упаду в обморок, – поняла девушка. – Это слишком для меня!

Незачем туда смотреть. Не надо смотреть. Я и так все знаю. Надо уходить. Нет! Ничего не хочу! Это слишком для меня!»

Уйти было нельзя, и она прекрасно это понимала. Она все понимала, кроме одного – как ей теперь жить, что делать. И как всегда в такие минуты, Анжелика применила испытанный способ. Способ был простой, и наверное, дурацкий.

Она никогда никому о нем не рассказывала. Назвали бы в очередной раз дурочкой, фантазеркой и, все. Но это помогло. Все было очень просто. Когда она оказывалась в затруднительном положении и ничего не могла понять, Анжелика начинала раскладывать все случившееся по пяти полочкам. Пять полочек – пять чувств, отпущенных человеку природой. Зрение, слух, обоняние, осязание, вкус. Постепенно все вставало на свои места. Даже самое ужасное становилось относительно простым и понятным. Во всяком случае, для нее. Она никому не давала этого рецепта, хранила его в тайне. И сейчас тоже воспользовалась проверенным способом, но для этого Анжелике все же пришлось открыть глаза.

Первым, что она увидела, была его рука. Знакомая смуглая рука, безвольно откинута на ковровое покрытие. Короткие пальцы, испачканные чем-то черным. Она отлепилась от стены и подошла поближе. Наклонилась. Пальцы были испачканы пеплом. Она хотела было отдернуть штору, чтобы получше все рассмотреть, но не сделала этого. В комнате стало как будто светлее, начинался день. Его рука. Она смотрела только на руку и в конце концов стала различать даже петлистые узоры на кончиках пальцев. Рядом на полу валялась сигарета. Незажженная. Не успел закурить. Потом она рассмотрела белый манжет его рубашки. Выпрямилась, шагнула к окну, отдернула штору. Окна выходили на восток, и в комнату ударили лучи солнца. Она зажмурилась, потом медленно открыла глаза. Повернулась, снова посмотрела на него.

Его темные волосы блестели на свету, одна прядь косо упала ему на лоб. Лоб очень спокойный, высокий, смуглый. Глаза закрыты, короткие ресницы неподвижны. На щеках проступила синеватая щетина. Губы... На губы она не хотела смотреть. В них не было ничего страшного, но смотреть она не хотела. Слишком знакомые губы. Слишком. «Хватит смотреть, – сказала себе Анжелика. – Больше не хочу!»

Теперь она прислушивалась. Тикали часы – очень громко. Чьи часы? Только не ее собственные и не его... Часы на стеллаже с книгами. Большие часы, его приобретение. Под старину. Ей они никогда не нравились. Теперь она сможет их выбросить или кому-нибудь подарить. Кроме тиканья часов, не было слышно ничего. А, нет – вот внизу, на улице, проехала машина. Еще одна. Да там уже полно народу! Откуда все они взялись? Когда она пришла сюда, никого еще не было. Время было выбрано удачно. Ее никто не видел. А если бы и увидели – так что? Девушка возвращается домой, к своему законному мужу. Почему на рассвете? Почему не ночевала дома? Это не повод для обвинений. Это – ее алиби. Даже лучше будет, если кто-то видел ее из окна дома, когда она вошла в подъезд в шесть утра. Возможно, кто-то и видел. Тикают часы, едут машины. А больше она ничего не слышит.

Обоняние. В комнате пахнет какой-то кислятиной. Странно – откуда? Еще – застоявшимся табачным дымом, наверное, он выкурил пару сигарет, прежде чем... Анжелика наклонилась, подняла незажженную сигарету, достала из кар-

мана зажигалку, высекла огонь, закурила. Зачем? Сама не знала. Просто хотелось хоть что-то сделать. Теперь табаком пахло еще сильнее. Она знала, что, если наклонится к мужчине совсем близко, услышит запах его одеколона. Любил «Гавану». А больше ничем не пахнет. Анжелика открыла форточку, когда покончила с запахами.

Осязание было самым неприятным из всех чувств. Но она все же опустилась на колени рядом с ним, взяла его руку. Рука была жесткая и холодная, она отдернула пальцы. Погладила его по голове, волосы были шелковистые, лоб показался ей влажным. Еще раз провела рукой по его лбу. Показалось. Сухой лоб, просто холодный. Она забыла о сигарете, которую держала в другой руке, и коротко вскрикнула – неловко сжала ее, обожглась. Погасила сигарету в пепельнице, посмотрела на свою руку, на его... Встала, подошла к столу, подняла невесомую телефонную трубку. Трубка была такая легкая, а слова будут тяжелые. «Она сломается в моих пальцах, эта трубка, мой голос ее сломает», – подумала она. Но пальцы у нее не дрожат, они крепко обхватывают трубку.

Вкус? Во рту прохладно, пахнет мятой. Неизвестно почему. Язык какой-то чужой. Анжелика помолчала, стоя с прижатой к уху трубкой, мятный вкус щекотал ей рот. «Спокойно, – сказала она себе. – Это только начало. Будет еще день, и еще ночь, и все это ты должна пережить. Будет еще много всего». Провела кончиком языка по губам. Его губы. Ее губы. Их губы так часто соприкасались. Зачем об этом сей-

час думать? Анжелика почувствовала на языке что-то теплое, соленое. «Неужели я плачу? – спросила она себя. – Да. Вот уже минута, как я стою так и плачу». Она набрала номер и, дождавшись ответа, сиплым голосом сказала: «Моего мужа убили». Сказала свое имя, адрес, просила приехать скорее. Положила трубку, повернулась к мужу и смотрела на него долго, долго. «Я выдержала, – сказала она себе со странной гордостью. – Я все выдержала, все сделала, значит, не так уж я слаба, значит, все удалось. А на остальное мне наплевать».

– О чем они тебя спрашивали?

Анжелика сидела сгорбившись, свесив руки между колен, смотрела в пол усталыми, покрасневшими глазами. Услышав вопрос, даже не подняла головы. Тогда он наклонился к ней и потряс за плечо:

– Да что такое? Что случилось?

– Оставь меня в покое... – выдавила она, поднимая на него глаза.

Саша внимательно поглядел ей в лицо, скривил губы... Точно, как ее муж! Она даже вздрогнула, хотя в этом не было ничего удивительного. Ведь они с Сашей были родными братьями. Сходство было несомненным – те же темные глаза, короткие ресницы, грубоватые руки, блестящие каштановые волосы, смуглая кожа... Только муж был ростом пониже и заметно начинал полнеть. А Саша в свои тридцать лет вы-

глядел как мальчишка – худенький, узкобедрый.

– Я тебя оставлю в покое, когда ты мне все расскажешь! – заявил он, садясь перед ней на корточки. Она отвела глаза в сторону, посмотрела на Лену. Та курила, глядя в окно, сигарета заметно вздрагивала в ее руке.

– Да что тебе рассказывать? – вздохнула Анжелика. – Все было так, как надо.

– Ну и выражения у тебя, – негромко заметила Лена. – По-твоему, все это нормально?

– Слушай!.. – Анжелике от негодования не хватало воздуха. – Не прикидывайся чистенькой! Можно подумать, ты осталась в стороне!

– Все, девчонки, замолчали! – Саша хлопнул Анжелику по колену, резко повернулся к жене: – Особенно ты молчи! Чуть не провалились – из-за тебя!

Анжелика наконец глотнула столько воздуха, сколько надо, и немного пришла в себя. Саша миролюбиво обратился к ней:

– Давай, расскажи быстренько. Потом Ленка сварит кофе.

– Это мы еще посмотрим, – раздалось из угла. Но больше Лена ничего не сказала.

Анжелика пожала плечами:

– Уехала из дома вечером, в одиннадцать часов уже играла на пароходе «Александр Блок». Как договорились.

– Кто там был из наших?

– Лизка, Ксения, Армен...

– Они все тебя видели?

– Конечно. Мы с Ксенькой сидели рядом за столом. Лизка с Арменом играли в рулетку. Мы – в блек-джек. Они все трое меня видели всю ночь. Мы выпивали в баре... Я все фишки слила, около пятисот долларов, потом немного отыгралась... Конечно, понервничала, я всегда переживаю... А Ксенька все время выигрывала. Лизка, кажется, тоже осталась в минусе, Армен дал ей денег, чтобы она отыгралась. Да! – воскликнула Анжелика. – Я там потрепалась с одним мужиком, сидел рядом за столом. Он видел, как я проигрываю, и подарил мне фишку за двадцать долларов.

– Ты что, его знаешь?

– Нет, первый раз видела. Он слил две тысячи баксов и все смеялся: «Девушка, мне нравится, как ты играешь». Подарил мне фишку и потом слил еще тысячу на моих глазах. Потом сошел на берег и уехал. Где-то в пятом часу утра.

– Ладно, еще один свидетель не помешает, – кивнул Саша.

Анжелика прикрыла веки. Она успела наплакаться, да еще бессонная ночь, да еще... Глаза невыносимо резало, они слезились.

– Потом Армен с Лизкой куда-то пропали. Домой, наверное, поехали...

– А Ксения?

– Она осталась до пяти утра.

– Она подтвердит, что ты там была до утра?

– Да. Мы вместе ловили машину.

– Постой... Так ты ехала домой с Ксенией?

– Ну, почти. Мы вместе доехали почти до ее дома, это была половина шестого... Там рядом метро. Я увидела, что метро уже открылось, и сказала Ксеньке, чтобы меня высадили тут. У меня не было денег, чтобы расплатиться с водителем, а у Ксеньки занимать бесполезно.

– Она же выиграла?

– Ну и что? Ты эту жмотину не знаешь!

– Какие вы все идиоты... – протянула из своего угла Лена.

– Господи, зачем я с вами связалась...

– Доехала в метро до дома, потом пешком, потом вошла в квартиру, открыла дверь, вызвала милицию. Все!

– Не все. Что там было?

– В квартире? – удивилась Анжелика. – Он там был. Кто же еще?

– Черт! Я тебя спрашиваю, как он выглядел?

– Не спрашивай ты меня об этом, – возразила Анжелика.

– Как он выглядел? Господи... Ясно же... Он был мертв.

– Идиоты... – повторила Лена.

– Заткнись! – Саша даже не повернулся к ней. – Лика, послушай, это глупость, то, что я тебе сейчас скажу... Но Ленка подтвердит, что я говорю правду...

– Что такое? – Анжелика непонимающе глядела на него. – Что еще? Он был мертв, говорю вам... Будто вы сами не знаете... Господи, неужели нельзя не говорить больше об этом?! Меня всю трясет! Я не могу об этом говорить, я там была

полдня, я говорила с милицией, я едва с ума не сошла... Наконец, он был моим мужем! Черт! Как бы там ни было, а я до сих пор не верю, что пошла на это, не верю...

– Никто на это не пошел, – тихо и внушительно ответил Саша.

– Что?

– Не поняла? Мы этого не делали.

Анжелика застыла, переводя взгляд с Саши на Лену и обратно. Те смотрели на нее как-то странно. Лена – напряженно и выжидающе, Саша впился глазами ей в лицо, ожидая реакции.

– Вы что, ребята? Так не пойдет... Зачем вы врете?

– Да не врем мы, – резко оборвала ее Лена. – Он правду сказал. Мы его не трогали!

– Да что это такое!

– Не веришь? – Саша схватил ее за руку. – Слушай, когда мы туда пришли и позвонили в дверь, нам никто не открыл. Мы решили, его дома нет. Открыли дверь сами, теми ключами, которые сделала ты, вошли...

– А он был в комнате, – Лена вскочила со стула и подошла к ним. – Мертвый.

– Вы... – У Анжелики дрожали губы. – Вы только что все это придумали!

– Да нет же!

– Врете!

Лена попыталась взять ее за руку, но Анжелика отдернула

пальцы:

– Врете, врете! А зачем вы врете, не могу понять! Ну зачем?! Хотите выглядеть чистенькими по сравнению со мной? Испугались? Вы же говорили – никто никогда не узнает, никто нас не найдет...

– С ума ты сошла...

– Ленка, это ты с ума сошла! – выпалила Анжелика. – Я тебя просто не узнаю! Какая ты была умная, какая смелая, когда мы все обсуждали! Да что там было на самом деле – можете сказать? Вы позвонили, он вам открыл, вы вошли, выпили кофе... А дальше?

– Он нам не открывал, и кофе мы не пили... – прошептала Лена.

– Ну, конечно! – издевательски протянула Анжелика. Она была близка к истерике.

– Слушай, можешь нам не верить, но, когда мы пришли, уже ничего не надо было делать, – отрезал Саша. – Он был мертв, слышишь, и не мы это сделали. Мы оказались в дурацком положении.

– Чуть не рехнулись, – добавила Лена.

– Я рехнусь сейчас, я! – завывала Анжелика. – Зачем все это, зачем?!

– Да ни за чем! – Саша закурил, сунул незажженную сигарету Анжелике. – Успокойся. И не кричи. Мы втроем должны все обдумать. Я ни черта не понимаю. Кто это сделал? Почему именно этой ночью?

Анжелика держала в руках сигарету. Вертела ее между пальцами, поворачивала так и сяк, но не зажигала. Сунула ее в рот, но тут же вытащила, посмотрела на марку.

– Это ты куришь? – спросила она Сашу.

– Что? – удивился он.

– «Мальборо». Я спрашиваю – ты куришь «Мальборо»?

– Ну и что?

– Ничего. А ты, Ленка?

Та обеспокоенно смотрела на Анжелику, потом переглянулась с мужем. Их взгляды говорили «сходит с ума». Анжелика все поняла и взбесилась:

– Отвечай, если я спросила! Ты что, куришь?

– Мы курим одну марку... – пробормотала Лена. – Я вообще редко курю... Да какая тебе разница? Нашла о чем думать...

– Какая разница... – прошептала Анжелика. – Вы курите «Мальборо». Он курил «Житан», крепкие. Я – что попадет-ся, но без ментола.

– Рехнулась?

– Не больше вас. – Анжелика помедлила, рассматривая их изумленные лица. Было мгновенное сомнение – говорить или нет? Наконец она осторожно произнесла:

– Можете дать гарантию, что никто из вас не принес туда с собой другие сигареты? Не «Мальборо»?

Саша покачал головой, Лена от удивления приоткрыла рот.

– Тогда я просто не знаю...

– Да что такое?

– Вот в чем дело, – Анжелика медлила с ответом – настолько все это ее озадачило. – Рядом с ним на полу валялась сигарета. Незажженная, понимаете? Сигарета с ментолом. Черт, я не помню, какой марки! Она сгорела до фильтра, я ее закурила, когда осматривала его... Во рту у меня потом было прохладно, но я не обратила внимания... Но сейчас вспоминаю. Это была не его сигарета, не стал бы он курить такие легкие. И не моя, я никогда не покупала сигарет с ментолом. И не ваша.

Они молча слушали ее, ожидая продолжения, но она только развела руками:

– Мне пора в дурдом... Я и вам не верю, и с этой сигаретой ничего не понимаю... Чья она, в таком случае? Может... – Она запнулась, неуверенно заглянула Саше в лицо: – Слушай, а вы ее там не подкинули, случайно?

– Господи, да зачем?

– Чтобы убедить меня, что его убил кто-то другой, – твердо ответила она.

– Да поверь наконец, что его и убил кто-то другой! – взорвалась Лена. Она отскочила к окну, треснула ладонью по узкому подоконнику, поморщилась от боли, прижала ладонь к щеке: – Это были не мы! Что, не понимаешь, мы не стали бы тебе врать! Какой нам смысл врать, ты же знала, что мы хотели это сделать! Зачем нам что-то скрывать!

Анжелика молчала, и Саша этим воспользовался:

– Ты видела, как он был убит?

– Нет... – Анжелика вздрогнула, ссутулилась.

– Ты что, не осмотрела его?

– Осмотрела...

– Она, наверное, стояла там и плакала в кулачок... – бросила Лена, отворачиваясь к окну.

Анжелика с ненавистью посмотрела ей в спину:

– Да, я плакала. Верно. Что, запрещено поплакать над телом мужа? А?

– Не заводись, – пытался успокоить ее Саша. – Никого не касается, плакала ты или нет... Твое личное дело.

– Пусть она не лезет.

– Ленка просто так сказала, от балды. Она тоже нервничает, разве не ясно? Все пошло наперекосяк, все... Мы ничего не можем понять, и ты нам не веришь... Если так дальше пойдет, нас всех засадят в тюрьму.

– Почему это?

– Да потому что мы будем ссориться и что-то обязательно выплывет наружу. Знаешь, когда кто-то один не захочет молчать... Например, ты...

– Я?! Будьте спокойны, я буду молчать, – выпалила Анжелика, чувствуя, как глаза у нее наполняются слезами. Так некстати! Она прижала к глазам скомканный платок, потом откинула назад голову, пытаясь успокоиться. – Я ничего не скажу. Но я все же хотела бы понять, что там было на самом

деле.

– Мы тебе все сказали.

– Все? А что ты там говорил, как он был убит?

– Ударом в затылок, – смущенно ответил Саша. Видно было, что эти слова дались ему нелегко. После этого в комнате повисла тишина. Лена молчала, стоя у окна, и растирала ладонью щеку. Глаза у нее были прикрыты, вид усталый, резко обозначились круги под глазами, морщинки у губ, отекавшие веки... Саша снова курил, стряхивая пепел в баночку с такой тщательностью, словно от этого зависело что-то важное. Анжелика молча переваривала услышанное. Наконец разлепила губы, неуверенно сказала:

– А крови я не видела.

– Он лежал на спине, – Саша теперь говорил очень тихо.

– Мы вошли в комнату, Лена вскрикнула, когда его увидела. Он лежал на спине, одна рука вот так...

Он точно показал, как была откинута рука его брата, и тут Анжелика зарыдала. Рыдания были страшные, сильные, они сотрясали ее узкие плечи, она спрятала лицо в ладонях и не пыталась остановить слез. Зашаркали тапочки Лены, через минуту она вернулась со стаканом воды, сильной рукой прижала Анжелику к спинке стула, отняла ее мокрые пальцы от лица, заставила пить. Вода не помогла – только промокла насквозь белая рубашка Анжелики.

– Пойми наконец, нельзя так об этом говорить, – тихо сказала Лена, обращаясь к мужу. – Оставь ее в покое. Она была

ему не чужая. И она совсем еще девчонка, чего ты ожидал...

Эти слова немного образумили Анжелику. Больше всего на свете она ненавидела, когда ее называли девчонкой, говорили снисходительно, задвигали в угол. Она стала кусать губы, и рыдания в конце концов утихли.

– Пойди приляг, – предложила Лена.

– Нет, я хочу все узнать, – Анжелика повернулась к Саше.

– А то с ума сойду.

– Мы сами с ума сойдем... – глухо продолжал он. – Ты не видела крови, мы тоже сперва не поняли, что случилось. Там коричневое ковровое покрытие, оно впитало кровь. Кроме того, он затылком упирался в пол, прямо раной, и потому, наверное, крови было немного... Мы подошли, окликнули его. Но он был мертвый. Я попытался поднять его голову, и тогда только мы увидели рану. Кровь уже не шла, она запеклась. Тут Ленке стало плохо, она стала трястись, пришлось отпаивать ее водой... Я бегал на кухню, боюсь, оставил там отпечатки пальцев... Я вытер кран на раковине, и стакан тоже помыл и вытер, но, может, я касался еще чего-то, уже не помню... Мы были как в тумане.

– Даже если оставил отпечатки, ничего страшного, – подала голос Лена. – Мы же там бывали в гостях, вполне могли остаться твои отпечатки. Даже подозрительно было бы, если бы их там не было.

– Постойте... – прошептала Анжелика. – Как же так? Вы говорите – голова пробита... Зачем... Я не понимаю...

– А, вот теперь ты нам поверила?! – Саша схватил ее за руку, пальцы у него были влажные и холодные. – Мы никогда не сделали бы этого! Мы все придумали по-другому! И зачем мы стали бы пробивать ему череп?! Разве кто-то из нас мог это сделать?!

– Убери руку, – приказала Анжелика.

Он послушался.

– Противно тебя слушать... – продолжала она. – Вы и не на такое способны.

– Нет!

– Я ни единому вашему слову не верю!

– Ну и не верь... – Лена закурила, повертела в пальцах сигарету. – Говоришь, та была с ментолом? Тебя это не насторожило?

– В том состоянии я не обращала внимания на такие вещи. Решила, что это его сигарета, хотя от его «житанов» я всегда задыхалась, не могла их курить. Слишком крепкие для меня. А эта... Эта была чересчур легкая, слабая...

– И ты нам все еще не веришь? Там кто-то был до нас, и он его убил. И сигарету уронил, может быть, когда наклонился к труп. А потом быстро ушел, не заметил сигарету. Черт, зачем ты ее выкурила!

– А что мне с ней было делать? Я в тот момент ничего не соображала. Она мне просто попалась на глаза, ну, я ее и подняла, и закурила.

– Принесла бы ее сюда... Хоть знали бы, что за марка.

Какая она была с виду?

– С виду? – призадумалась Анжелика. Как ни странно, воспоминания о сигарете чем-то ее успокаивали, хотя должны были бы тревожить. Это была единственная возможность доказать себе, что ей говорят правду, что там действительно был кто-то еще... – Она вся была белая.

– А какие-нибудь полоски на ней были, нет?

– Мне было не до полосок.

– А длинная она была или нормальная? Может, длинная и тонкая?

– Вы чепухой занимаетесь, девочки, – вмешался Саша. – Какая разница, что там была за сигарета? По сигарете убийцу не найдешь.

– Ой, какой ты стал благородный, – сощурилась на него Анжелика. – Как только понял, что убил не ты, сразу стал говорить «убийца», «убийца»!

– Не собачьтесь... – Лена нахмурилась, потом решительно сказала: – Лика, слушай, ты должна притащить нам окурок. По фильтру я определю, что это была за сигарета.

– Я туда не вернусь!

– Тебе все равно придется идти туда ночевать. Квартиру не опечатали, надеюсь?

– Нет, ведь я там живу.

– А что милиция говорила?

– Ничего. Приехали, увидели его, давай шариться по квартире, задавать вопросы... То да се, были ли враги, долги,

прочее... Просили вспомнить, не угрожал ли ему кто. Еще просили сказать, не ограбили ли нашу хату. Я сказала, вроде что-то пропало, а что – не пойму.

– Правда, что-то пропало? – оживился Саша. – Если да, то брали не мы!

– Знаешь... – протянула Анжелика. – Как это ни глупо, но мне кажется, действительно, что-то пропало. А что – не пойму. Сам знаешь, какая у меня зрительная память!

– Тем более ты должна туда поехать и понять, что пропало, – настойчиво повторила Лена. – И забери фильтр, если они его не взяли с собой.

– И они что же, даже не сказали тебе, как он погиб? – изумлялся Саша.

– Нет, представь себе... Наверное, решили, что я сама видела, если вызвала их.

– О, твое счастье! Представляешь, ты звонишь в милицию, говоришь – «мужа убили», они приезжают, спрашивают, как он помер, а ты не знаешь... С чего же ты взяла, что его именно убили? Может, умер от разрыва сердца? Как бы ты попалась! Так вот запомни – рана на затылке, кровь запеклась... Ты же обещала его осмотреть, чтобы не попасть впросак!

– Я его осмотрела, – пробормотала Анжелика. – Но я думала, вы его...

– У задушенных вид не такой, как у него! – резко вмешалась Лена. – Тебе это в голову не стукнуло?!

– Неплохой каламбурчик, – Анжелика снова вздрогнула.
– Нет, мне ничего в голову не стукнуло. И на его шею я не смотрела. Боялась. Только лицо рассмотрела и его руку. И все. А какие из себя удавленники, откуда мне знать...

– В общем, тебе повезло, – заключил Саша. – Никаких тяжелых впечатлений. Ну не надо, не делай волчьих глаз! Мы пережили куда худшие минуты, когда подняли его голову с ковра! А ты умудрилась быть там и ни черта не заметить.

– Я рассчитывала на вас. Потому и не осматривала его как следует. Кто мог знать, что это не вы...

– Веришь, наконец?

– Почти.

– Привези фильтр, – монотонно напомнила Лена.

– Надоела! Если не пропал, привезу. Мне что – уходить?

– Ты боишься туда ехать, – догадалась Лена. Лицо у нее было хмурое и усталое, а может, Анжелике показалось – в комнате стемнело, а света никто не зажег. Трое собеседников превращались в силуэты, смутные, расплывчатые в сумерках. У них уже не было отчетливых лиц, не видно было глаз, остались только голоса, тихие и отчетливые. «Кто из нас четверых умер?.. – смутно подумала Анжелика. – Он? Или мы трое, его убийцы? У него был такой спокойный лоб, когда я дотронулась до него рукой. И глаза закрыты, будто он спит. Лицо, которое я знала наизусть. Зачем я так хорошо его изучила? Теперь он будет мне постоянно являться... И нет надежды, что когда-нибудь его черты расплывутся, как сейчас

у нас троих... Я его буду помнить всегда, слишком отчетливо, слишком хорошо. Я все наврала насчет своей зрительной памяти, то, что надо, я помню прекрасно. А что не надо – еще лучше. Вот в чем беда».

Она встала, засунула полы рубашки в джинсы. Хрипловато сказала:

– Ладно, если так, я пойду.

Ей хотелось поскорее покинуть этих людей, чтобы не слышать вопросов и самой не задавать их. Саша попытался ее остановить:

– погоди! Ты можешь остаться ночевать у нас, беды не будет.

Его жена упрямо мотнула головой:

– Ей надо поскорее осмотреть квартиру. Ты что, не понял, как все серьезно? Она же ничего не сделала утром, до нее просто не дошло, как он погиб! И она, по-моему, еще не верит, что это сделали не мы! Все надо осмотреть заново.

– Прошу тебя, не говори обо мне в третьем лице! – возмутилась Анжелика. – Я еще здесь, хотя это мне и не доставляет удовольствия. И вообще, у меня пока есть свой дом!

– Вот именно, пока – Лена выделила голосом последнее слово. Вплотную подошла к ней и так же отчетливо, почти угрожающе повторила: – Чем меньше ты будешь психовать, тем лучше для тебя. Что бы там ни случилось, а мы своего добились! Он умер. Заруби себе это на носу – умер!

– Но я этим обязана не вам! – выпалила Анжелика. – И не

пытайтесь теперь командовать мной!

– Слушай... – забеспокоился Саша, тоже подвигаясь к ней поближе. Теперь супруги стояли так близко к Анжелике, словно собирались ее схватить. Она даже немного отступила назад, не сводя с них глаз. Страшно ей не было. Скорее, противно. И еще она чувствовала страшную усталость, бесконечную растерянность и недоумение.

– Слушай, – повторил он, – нам же никто не мешал со-
вратить тебе, что его ухлопали именно мы. И тогда бы ты сей-
час не говорила таких слов. Но мы тебе сказали правду. Ты
нам ничем не обязана? Подумай, что говоришь. Если бы не
мы...

– Что – если бы не вы? – Она сделала еще шаг назад и
вздрагнула – он двинулся за ней следом. Лена осталась на
месте, но она чувствовала, что от нее исходит еще большая
угроза, чем от Саши.

– Если бы не мы, если бы не наш план, тебе не помог бы
даже его труп, – жестко сказал Саша. – Ну пришла бы ты
утром домой, нашла бы его на ковре. Что дальше? Тебя хвата-
ло бы только на то, чтобы вызвать милицию. Его бы увез-
ли. И ни черта бы тебе это не помогло. А так... Как ты мо-
жешь говорить, что ничем нам не обязана? Да только благо-
даря нашему плану ты остаешься жить!

– Не стоит преувеличивать... – У Анжелики дрожали гу-
бы, и она изо всех сил пыталась это скрыть. – Обошлась бы
и без вас...

– Дура! – Это взвизгнула Лена. И в тот же миг ее ладонь обожгла Анжелике щеку. Она ахнула и едва устояла на ногах. Мгновение стояла окаменев, даже не поднесла руку к лицу, чтобы защититься от очередного удара, который уже повис в воздухе – Лена замахнулась снова. Но удара не последовало – Саша успел перехватить руку жены, вывернул ее, зашипел и оттолкнул Лену к окну. Та ударилась бедром о подоконник, молча согнулась в три погибели, опустилась на колени. Они слышали, что она плачет – задыхаясь, как-то сипло, без голоса. Все молчали.

– Иди домой, – Саша едва смотрел в сторону Анжелики. – Ты сама виновата, что она сорвалась. Она с утра не в себе.

Анжелика не двинулась с места. Она смотрела на плачущую Лену, сдвинув брови, оценивая, внимательно. Жалкий комок на полу, трясущийся от рыданий. Только и всего. И это она все придумала? И это из-за нее Анжелике пришлось сегодня утром идти к себе домой, как на казнь? Это все из-за нее? И как она плачет! По-бабьи, горестно, безутешно... В таком состоянии она Лену никогда не видела.

– А что ты имел в виду, когда сказал, что вы едва не провалили все дело? – спросила она Сашу.

– С ней была истерика, а это случилось так некстати. Мне нужна была помощь, я сам не знал, на каком я свете, когда увидел его... – вздохнул Саша. – А она едва не свалилась на пол. Пришлось возиться с ней, вместо того чтобы думать о деле. Из-за этого мы не заметили сигарету на полу, о которой

ты говорила. Если бы я мог все сделать один!

– Тебе же ничего делать не пришлось. – Анжелика сама не заметила, как они вдвоем вышли в коридор. Здесь было совсем темно, Саша протянул руку к выключателю, чтобы зажечь светильник, но она удержала его за рукав свитера:

– Не надо.

– Почему?

– Не хочу засвечиваться, у меня глаза красные и щека, кажется, опухла.

– Ну, что сделаешь... – обреченно прошептал он. – Мне жаль, конечно. Ты же знаешь, Лика, как я к тебе отношусь. А Ленка в истерике. Сейчас сама успокоится. Вообще, это было не для женских нервов, такое зрелище. Я сам едва не грохнулся.

– А я не грохнулась, – сказала она почти с вызовом. – Я выдержала до конца.

– Но ты же знала, что увидишь, а мы откуда? Если бы я туда пошел один, я бы все хорошенько осмотрел и прибрал. А так – с Ленкой возился... Но если бы я пришел один, он бы меня в квартиру не впустил.

– Это точно. – Анжелика кивнула, хотя в темноте он этого видеть не мог. – Но ты мог открыть дверь ключами, которые я для вас сделала.

– А ты думаешь, что это его не насторожило бы? С какой стати у меня оказались ключи от его квартиры? А если бы он стал ругаться со мной на площадке? Услышали бы соседи. А

вдруг бы вообще у меня ничего не вышло? Тогда бы он сразу понял, откуда у меня ключи. Нет, Лика, мы все вылезли из этой истории на пределе... Ты и сама вряд ли понимаешь, на каком пределе мы все были... И ты, и я... Потом поймешь. Успели только-только! А ты еще просила подождать. Нельзя было ждать.

– Ты прав... – Она на ощупь двинулась к вешалке, нашла свой плащ. Неожиданно включился свет, девушка зажмурилась.

– Прости. – Он помог ей одеться. Задержал руки на ее плечах, когда она натянула плащ, задержал на короткое мгновение, но и это мгновение было длиннее, чем нужно. Анжелика не подала виду, что ей что-то не понравилось, посмотрелась в зеркало, безразличным голосом спросила:

– Завтра приедете?

– Да.

– Я буду ждать. Начнется комедия с похоронами. Боже, а щека, правда... Того...

Она полезла в сумочку, достала пудреницу, осторожно провела губкой по левой щеке. Из комнаты раздался негромкий голос Лены:

– О чем вы там говорите?

– Ты бы хоть извинилась, – вместо ответа крикнул ей Саша. – Лика уже уходит.

Снова зашаркали тапочки. Лена выглянула в коридор, поморгала заплаканными красными глазами, прищурившись,

посмотрела на Анжелику. Та уже защелкивала замок на сумке.

– Ладно, прости, – выдавила Лена. – Нервы расшатались. Но и ты была хороша. Я дура, ты же сама сказала. – Анжелика даже нашла в себе силы улыбнуться. В таком опухшем жалком виде Лена была ей совсем не страшна. Теперь ее даже удивляло, как она могла робеть перед этой женщиной. Что вызывало такую робость? Между ними была возрастная разница всего в семь лет – почти что ничего. Анжелика была красивее, хотя одевалась не с такой тщательностью, как та, и красилась минимально. Да и зачем нужна была краска ее черным ресницам и бровям, помада – свежему рту, румяна – розоватым скулам? Лена красилась, чтобы скрыть недостатки, которые у нее были, и подчеркнуть достоинства, которых не было. Она даже ресницы наклеивала, что всегда смешило Анжелику – столько возни, чтобы нравиться! Кому нравится-то? Саше?!. Нет, если разбирать по пунктам, многие преимущества были на стороне Анжелики. И все же преимуществ перед Леной у нее не было. В ее присутствии она смущалась, робела, теряла свободу мыслей и слов, не решалась высказать свое личное мнение. Так было всегда, пожалуй, только этот разговор кое-что изменил. «Неужели из-за того, что было утром? – спросила себя Анжелика. – Я их больше не боюсь. Не боюсь».

– Слушайте-ка, – она уже стояла у самой двери, поправляя на плече ремешок сумки. – Я, конечно, поеду домой, и все

там осмотрю, и буду молчать, тут вы не сомневайтесь. Вы правы, мы тесно повязаны, и я ни от чего не откажусь. Я вот только хотела вас спросить...

– Конечно, спроси. – Саша зачем-то поправлял на подзеркальнике неровно лежащие расчески. Лена стояла неподвижно, опершись плечом о дверной косяк.

– Убивать вам не пришлось, ну и хорошо. Но вы же шли туда, чтобы его убить. И я хочу узнать, просто так, ради любопытства – никому из вас хоть на минутку не стало его жалко?

– Что за ханжество, – Лена говорила почти беззвучно. – Это ты нас спрашиваешь, его жена? Ты же сама когда-то прибежала к нам с криками: «Ребята, спасите, я запуталась, что мне делать?!» И мы решили тебе помочь. Зачем задавать такие вопросы?

– Я же говорю – из любопытства. – Анжелика выдержала ее уничтожающий взгляд, растянула губы в улыбке. – Ну, и еще потому, что мы с вами втроем уж очень похожи на трех гадин.

– На кого? – не расслышал Саша.

– Не на людей. И разговоры у нас гадские. А я вдруг подумала – неужели никому из нас хоть на миг не пришлось стать человеком? А? Пожалеть его, ну хотя бы на секунду?

Лена пыталась что-то сказать, было видно, что новая истерика уже недалеко. Саша удивленно поднял брови, покачал головой:

– Знаешь, матушка, уж если мы решились на такое, какие разговоры у нас могут быть? Зачем притворяться? Я, если желаешь чистую правду, и тогда его не жалел, и теперь не собираюсь.

– Ясно с тобой, – кивнула Анжелика. – А ты, Лен, что скажешь?

Та молча отлепилась от косяка и исчезла в комнате. Анжелика вздохнула и негромко заключила:

– Тогда я тоже скажу тебе правду, Саша. Мне его тоже ни капельки не было жалко. Ни-ког-да, – отчеканила она, чувствуя, как губы у нее расплзаются в странной, неуправляемой улыбке.

– Зачем же ты спрашивала? – тревожно спросил он, подходя, чтобы открыть ей дверь.

– Да так. Хотела убедиться, что мы все друг друга стоим.

Она скользнула в открывшуюся дверь, остановилась перед дверями лифта и нажала кнопку вызова.

Глава 2

Анжелика лежала в постели, свернувшись калачиком, закрыв глаза. Ночник она не погасила – было жутко в пустой квартире, здесь было слишком тихо.

Что-то подобное ей пришлось пережить как-то в детстве, когда родители уехали в гости «с ночевкой», а ее оставили дома одну. Пока они не ушли, она даже радовалась – будет есть конфеты, а ужинать не станет, и телевизор можно смотреть сколько угодно, и спать она ляжет поздно! Но как только за родителями захлопнулась входная дверь, девочка остановилась и замолчала. Через минуту ей показалось, что на кухне скрипнула половица. Она замерла, прислушалась, осторожно сходила туда, проверила. Никого, кроме нее, в квартире не было и быть не могло, все страхи – чепуха... Она знала это, а все же к утру измучилась совершенно, ей даже на минуту уснуть не удалось. И конфеты были не в радость, и телевизор не помогал... Все время ей слышались шорохи, скрипы, стуки, а то даже голоса – будто совсем рядом, в коридоре, разговаривают люди... Говорят о ней, о Лике, и что-то плохое говорят, конечно!

После той ночи она боялась оставаться одна даже ненадолго. Сколько ей тогда было лет? Восемь? Девять? Она хорошо училась в школе, любила читать больше, чем гулять. А гулять не любила потому, что совершенно не могла играть в

обычные девчоночьи игры – скакалку, резинку... Прыгать на одной ножке, порой даже с закрытыми глазами, скакать, крутясь вокруг своей оси, словно белка, бешено вращая в руках скакалку... Да попробовала бы она такое сделать! Очутилась бы на асфальте, с разбитыми коленями и локтями, грязная, опозоренная, никому не нужная. Больше всего на свете Лика боялась упасть у всех на глазах. Оттого избегала шумных игр, сидела на скамеечке на занятиях физкультурой, даже ходила как-то осторожно, выпрямив спину, слегка размахивая руками, постоянно глядя под ноги. Чуть что не так – и кружилась голова. И так всю жизнь.

Ее считали девочкой хорошей, благоразумной. Именно потому и думали о ней так, что она не водилась с дворовой компанией, не отпрашивалась на дискотеки... Танцевать?! С ума вы сошли?! А сидеть у стенки и смотреть, как танцуют другие, это испытание не для ее гордости. Вот медленный танец, тут ничего трудного нет: переступай на одном месте и держись за плечи партнера... Но кто ее пригласит, если она все остальное время проторчит у стенки? И Анжелика сидела дома. Росла как-то незаметно, вытягивалась понемногу, худела, приобрела привычку лежать на спине и часами смотреть в потолок. Ее маму эта привычка ужасно злила. Увидев Лику в таком положении, она сразу начинала ей выговаривать: «Почему ты никогда мне по дому не поможешь, почему тебя в магазин сходить не допросишься, почему ты так лежишь, о чем думаешь?!» Маме, наверное, казалось, что Лика

думает о чем-то нехорошем, о мальчишках, например. Когда она приходила из школы, мать тщательно обнюхивала ее с ног до головы. «Ты курила!» – взвизгнула как-то она, и Лика не могла соврать, что нет. Это был вечер истерик, громовых рыданий. Спас отец, который, как всегда, поздно пришел домой. Мать мигом бросилась к нему и закричала:

– Вот, погляди! Растет твоя смена! И врет не хуже тебя!

– В чем дело? – спросил отец, невнимательно взглянув на уничтоженную, зареванную дочь. Лика даже не успела снять школьную форму, когда пришла из школы, сразу же начался скандал. И теперь она сидела, глубоко забившись в кресло, скручивая в руках черный фартук. – Она что, только сейчас пришла?

– Она курила! – выкрикнула мать.

Отец посмотрел на нее так, словно та свалилась с Луны, и очень спокойно ответил:

– Ну и что? Сейчас все дети курят.

Тут Ликю оставили в покое – скандал продолжили отец с матерью, и она наконец смогла умыться, переодеться и поест. И вообще, вскоре ей показалось, что мать стала придираться меньше. Она долго раздумывала, почему, пока в один прекрасный день родители не развелись. Лике сообщили об этом в последний момент, когда нужно было ее участие. Она и в суде была, когда слушалось дело о разводе. Смотрела на отца – такого молодого, подтянутого, спокойного, рассматривала его знакомый коричневый костюм, золотистый гал-

стук, стремилась запомнить все это как можно лучше, потому что ей казалось – больше они не встретятся. А на мать не смотрела. Только самой себе Лика признавалась в этом – она не любила свою мать. И не могла сказать, за что. «Эта женщина» – так называла ее про себя Лика – «эта женщина» никогда не была достойна ее отца. Она – простоватая, грубоватая, в чем-то невежественная, у нее неухоженное круглое лицо, некрасивые руки с нечистыми ногтями, сутулая жирная спина... Одевается, как чучело, мгновенно стаптывает каблуки, при ходьбе косолапит... Да что говорить, если даже плохая координация досталась Лике по наследству от матери. О-о-о! А скандальный мелочный характер?! А патологическая скупость! Они ведь не бедствовали, отец получал хорошо, и она тоже, и при этом Лике подсовывалось вместо обновки жуткое платье матери, в котором та ходила двадцать лет назад! Мать не понимала, что за эти двадцать лет изменилась мода на рисунок, на покрой, на длину, на все! Да просто Лике противно было носить что-то с чужого плеча! Просто – противно! А мать обвиняла ее в расточительстве.

– Теперь твой отец не может тебе ничего покупать, – ядовито и в то же время обиженно говорила мать, сворачивая отвергнутое платье. – У него другая «доченька» завелась. Девчонка – ненамного тебя старше!

«Уйди, уйди!» – молилась про себя Лика, отворачиваясь, чтобы не показать слез. А когда мать исчезала за дверью – плакала, кусая губы, давая громкие всхлипы, заливала слеза-

ми подушку, яростно вытирала лицо платком. И клялась себе, что уйдет от матери, как только сможет, как только найдется куда, сразу уйдет!

Она окончила школу и к этому времени еще больше замкнулась в себе. Скучала по отцу, ругалась с матерью почти каждый день, ее грызла хандра. На оценки ей теперь было наплевать, аттестат получила с тройками. Мать ругалась, Лика тупо смотрела в окно, потом срывала с вешалки куртку, хлопала дверью, убегала на улицу. Один раз даже упала на лестнице, так торопилась удрать. Расшибла бедро, порвала колготки. В тот миг ничего не стала рассматривать, скорее пошла прочь – только бы подальше отсюда! Не знала, сколько шла, очнулась на набережной Москвы-реки и только тут оглянулась по сторонам, поняла, что торопиться некуда, никто за ней не гонится, никому она не нужна – как всегда...

День стоял чудесный, мягкий. Серая река, спокойное чистое небо, золотые деревья в саду за оградой... Сентябрь. Она достала из кармана сигареты, жадно закурила – уже года два, как серьезно пристрастилась, выкуривала тайком до десяти сигарет в день, а если бы не мать – то и больше бы курила. Лика оперлась на гранитный парапет набережной, спокойно выкурила сигарету, бросила окурок в воду, занялась своей ногой. Задрала сбоку на бедре свою широкую серую юбку, убедилась, что колготки разорваны безнадежно – огромная дыра, вокруг все расплзается на глазах, а на белой коже – багровое пятно. Больно! Вот приложилась!

– Синяк будет, – услышала она рядом мужской голос. Отпустила подол юбки, резко обернулась. Увидела его. ЕГО.

Невысокий, лет около тридцати, коренастый, темноволосый. Ветер трепал его волосы, они блестели на солнце. Он не улыбался, вроде бы не заигрывал, серьезно смотрел на нее. Девушка не испугалась, но пошла прочь. Прошла шагов пять, обернулась. Он шел следом.

– Вам что? – От волнения она охрипла. «Подумает еще, что у меня всегда такой бас!» – испугалась она в душе. Ей даже в тот, первый миг уже было важно, что он о ней подумает.

– Да ничего, я помочь хотел, – он был хорошо одет, говорил спокойно и совсем не нагло.

Лица заметила у бровки тротуара красную машину, в марках она слабо разбиралась. Тут она совсем растерялась. В жизни ни одна собака не обращала на нее внимания, хотя она была ничем не хуже своих подруг... В чем было дело? Может, она просто ни одному из парней не давала времени обратить на нее внимание? Сразу убегала, уходила от разговора? Уходила своей неуверенной походкой? Да не нужны ей были парни, никто ей был не нужен. Самовлюбленные ничтожества! Тупицы! Вот так! Но этот... И выглядит неплохо, и машина, кажется, его... Кавалер с машиной! Вот так – сразу! Ей многие позавидуют... Да, но он ей тоже не нужен. Так она сказала себе, а вслух заметила:

– Я же вас не просила помогать. Ничего страшного не слу-

чилося.

– Но вы упали.

– Не здесь. – Она снова закурила, чтобы не так волноваться и говорить поменьше глупостей. Он не стал спрашивать, где она упала, и снова предложил:

– Хотите, дам йод и пластырь?

– А вы что – врач?

– Нет, у меня аптечка в машине.

Лица помялась. Не так уж ей был нужен пластырь, скорее, она предпочла бы новую пару колготок. Юбка едва доходила ей до колен и не скрывала дыры, которая все больше увеличивалась. Напротив, на другой стороне улицы, она углядела маленький галантерейный магазин. Он был открыт. Лица су-нула руку в карман, нащупала деньги.

– Не нужно йода, – сказала она. – А вот, если можно, вы мне вашу машину на пять минут одолжите?

Он остолбенел, потом наконец улыбнулся:

– Зачем?

– Колготки хочу купить и переодеть в машине, – пояснила она. – Не в подъезде ведь это делать!

И улыбнулась. Никто никогда не говорил ей, что она красивая – когда ушел отец, она красивой еще не была, а потом они не виделись... Зато отец часто ей говорил, что улыбается она чудесно. Лица сама не знала, что она хороша в этот миг – слегка смущенная, бледная, небрежно одетая. Ее серые глаза были того же цвета, что и река, а черные волосы летали на

ветру, мешали ей смотреть. Она отвела их рукой, продолжая улыбаться, сказала:

– Да ладно, шутка. Я в подъезде переоденусь.

Но тут он зашевелился:

– Нет, нет, конечно, я вас пущу в машину, а сам тут постою. Хотите, провожу в магазин?

– Сама дойду, – ответила она грубовато, хотя на самом деле ей хотелось сказать ему что-то приятное, поблагодарить его, что ли? Она совсем не умела разговаривать с мужчинами, никто ее этому не учил. Перебежала через дорогу, пошла к магазину. Очень хотелось оглянуться, проверить, не уехал ли он, не сел ли в свою машину? Но она вытерпела – не стала оглядываться. Купила черные колготки, вышла на набережную.

Он стоял на том же месте, где Лика его оставила. В машине она торопливо и неловко скинула туфли, содрала старые колготки, натянула новые. Девушка спешила, ей казалось, что он вот-вот подойдет, заглянет в окошко, увидит ее голые ноги. Наконец она скомкала рваные колготки, сунула их в карман куртки, открыла дверцу, высунулась:

– Все!

Он подошел, остановился над нею, нерешительно спросил:

– А подвезти вас можно?

Она уже не боялась его. Пожала плечами, заулыбалась:

– Куда?

– То есть как? Вам куда надо?

– Да я гуляла...

– Может, вы мне не доверяете? – поинтересовался он. –

Не бойтесь, я не маньяк, никуда вас не завезу. Честно, куда вам надо?

– Да никуда! – Она захихикала, чтобы скрыть смущение. Замолчала, увидев, что он смотрит на нее как-то странно. «Принял за дуру, – поняла она и залилась краской стыда. – Дура и есть! Двух слов сказать не могу!» Решительно полезла из машины со словами: – Ладно, я пошла.

Он стоял прямо перед дверцей, мешая ей выйти. Смотрел на нее сверху вниз, как смотрел потом всегда. Он – покровитель, старший, опытный, серьезный. Она – девчонка в рваных колготках, хихикающая дурочка с неуверенной походкой, брошенная дочь удравшего папаши, неудачница...

– Слушайте, – сказал он, по-прежнему стоя у нее на дороге. – Не обижайтесь только! Я сейчас как раз ехал обедать. Хочу, чтобы вы пообедали со мной. Ничего такого не думайте, просто хочется с вами пообедать. Идет? Меня зовут Игорь. А вас как?

– Анжелика, – она снова уселась в машину, резко одернула на коленях юбку.

С этого момента Лика исчезла. Лика – ребенок. Лика – имя, которым ее называл отец. Коротенькое удобное имя. Игорь всегда называл ее только Анжеликой. Ему это имя нравилось. Ей – не очень. Но теперь и она сама себя так на-

зывала.

Они пообедали, довольно скромно, в каком-то кафе в центре. Но ей все было в диковинку и очень понравилось. Она стеснялась что-то заказывать, а в конце обеда даже сделала серьезную попытку расплатиться за себя. Достала из кармана куртки скомканные деньги, он не рассердился, только попросил ее положить их обратно, ведь он ее пригласил. Анжелика сделала этот жест не потому, что правда стеснялась есть за его счет, а чтобы показать, что и она не так проста, денег и у нее достаточно. А в кармане у нее, правда, была порядочная сумма. Отец прислал почтовый перевод на ее имя, она получила его по своему паспорту. До тех пор пока ей не исполнилось шестнадцать, он исправно платил алименты, тоже с помощью переводов, но все деньги оставались у матери. Та говорила, что ей нужно кормить взрослую дочь, а тряпки и туфельки подождут. Но с тех пор как Анжелика обзавелась паспортом, все деньги доставались только ей. Отец, конечно, был уже не обязан платить алименты, но деньги все равно иногда приходили. Тратить их было не на что – только вот на сигареты. Наряжаться не было настроения, да и зачем? Для кого? Она ведь нигде не бывала... Оставлять деньги дома она боялась – мать найдет, конфискует... Она и так возмущалась, что не видит этих денег, злилась каждый раз, как находила в ящике квитанцию, но спрятать, порвать ее не решалась – все же деньги. Приходилось отдавать дочери, а та всегда носила все свои сбережения с собой.

– Ты с кем живешь? – неожиданно спросил ее Игорь, закуривая сигарету.

– А вам-то что? – огрызнулась она.

– Ничего, просто спросил.

– Просто не бывает.

– Ну, извини... – Он как-то незаметно перешел на «ты», видно было, что эта форма обращения нравится ему куда больше.

– Да ничего, – она откинула назад свои длинные черные волосы. Трюк с деньгами успеха не имел, ну и пусть, она еще найдет, чем его удивить. А удивить хотелось ужасно! Но как, как это сделать?! Для начала она тоже перешла на «ты». – Просто странные вопросы ты задаешь. Какая разница, с кем я живу?

Она старалась говорить развязно, чтобы показать, что ей не впервой обедать с мужчинами в кафе. Но глаза смотрели наивно и почти испуганно. Анжелика совсем растерялась, не знала, что и думать, и не нашла ничего лучшего, как честно выложить всю правду:

– Я с матерью живу. И все.

Это «и все» она произнесла достаточно выразительно, чтобы он почувствовал – это как раз далеко не «все». Осторожно спросил:

– А отец что, в разводе с вами?

– Да.

– Ясно.

– А что тебе ясно?

– Да у меня то же самое.

Ей стало легче. Он как будто принимал ее под свое крыло, их объединяло общее несчастье – отец ушел, у них нет отцов... И она может не стесняться, рассказывать все. Но он вдруг добавил:

– И слава богу, что мой ушел!

– Почему? – проямлила она.

– Пил.

Они помолчали, Анжелика растерянно смотрела в свою чашку из-под кофе. Игорь пошарил в кармане, вытащил бумажник, спросил ее:

– Еще хочешь чего-нибудь?

– Нет-нет!

– Тогда поехали.

На улице они постояли молча еще с минуту. Он докурил сигарету, выбросил ее и сказал:

– Ну а теперь одно из двух: или я тебя отвожу домой, или ты едешь домой ко мне.

Она лишилась дара речи. И это после любезного предложения залепить синяк пластырем, после обеда?! Вот так – сразу к нему домой, в койку?!

– Я не поеду никуда, – ответила она, кутаясь в куртку, хотя было не холодно.

– Боишься? Опять?

– Нет.

– Тогда почему?

– Так...

– Я сморозил что-то? – поинтересовался он. – Я могу. Но ты не обращай внимания. У меня сегодня просто паршивый день выдался.

– А что такое?

– Да так. Братец мой учудил.

– У тебя брат есть? – Она немного оживилась, на семейные темы могла разговаривать часами. Но он только кивнул головой и снова спросил:

– Так ты поедешь со мной?

– К тебе?

– Ну да.

– А что мы там делать будем? – глупо спросила она.

А он вдруг засмеялся – впервые за то время, которое они провели вместе. Потом сказал:

– Не бойся ты меня. Я тебя не трону. Я что – не вижу...

Тут она насторожилась. Что-то легковесное, пренебрежительное мелькнуло в его тоне. Почему, ну почему все так к ней относятся? Он тоже ее презирает?! За что?! Почему с первой же минуты знакомства?! Она ответила гордо и с вызовом:

– Я приключений не ищу. Что ты там видишь, мне неинтересно. И к тебе ехать не хочу. Все, спасибо за обед. Пока.

Сказала так, но не ушла – осталась стоять перед ним, как школьница перед учителем. А он удивленно ответил:

– Да ты точно, обиделась? Перестань. Я же сказал – вижу, что ты не такая... А ты что подумала?

Чтобы как-то замаскировать свое поражение, она залезла в его машину. Теперь села рядом с ним, впереди. Он включил музыку, ехали молча, Анжелика смотрела в окно, где мелькали старинные особняки, желтые и красные деревья, теребила в одном кармане деньги, в другом – колготки и думала о какой-то чепухе. Думала, что Игорь – хороший парень и что ей все показалось, он ее не презирает, зря она ему грубит, и вообще, не хочется возвращаться домой, ни сейчас, никогда... Потом подумала об отце, но на этот раз на глаза не выступили слезы, как бывало всегда. Глаза были сухие. Она не выносила одиночества. Ей с детства нужно было, чтобы кто-то дышал рядом, друг или враг, все равно – но человек. Отца, правда, больше не было, но теперь рядом был Игорь. И она больше не плакала.

Засиделись допоздна. Игорь сварил кофе, угостил магазинным печеньем. Квартирка была маленькая, двухкомнатная, очень неухоженная. Старая мебель, давно не мытые окна, пыль, продавленный диван. Анжелике, как ни странно, стало еще спокойнее – значит, он не такой богатый, несмотря на хороший костюм и новенькую машину. Значит, они равны. И нечего ему задирать нос. Ему, наоборот, надо оправдываться, что привез ее в такую берлогу. И он действительно оправдывался:

– Живу один. Недавно отселил мать с братом. Раньше

втроем тут жили. Ничего не успел сделать – ни ремонт, ни мебель поменять... Но скоро все изменится. Уж прости, что тут так...

– Да ничего. – Она усмехнулась. – Мне-то какое дело? Значит, ты совсем один живешь? А кто тебе готовит, убирает?

Он рассмеялся:

– Хороший вопрос. Никто. Я сам, когда время есть. А так обедаю и ужинаю в кафе.

– Ясно. А куда это ты мать и брата отселил?

– Купил им квартиру, вот куда.

Ей никак не удавалось его кольнуть. Купил квартиру – значит, они все же не на равных. Анжелика приблизительно ориентировалась в ценах на жилье и понимала, что это дорогое удовольствие. И похоже, что он говорит правду. Живет один, уж это точно.

– А кем ты работаешь? – поинтересовалась она.

– Я? В строительной фирме.

– А... – Ей стало скучно. Ну какой он все же неинтересный! Строительная фирма. Запущенная квартира. И что в нем такого? Надо встать и уйти. Говорить им не о чем. Он старше, в конце концов, и слишком задирает нос.

– А сколько тебе лет? – огорошил он ее.

– Мне? Семнадцать.

– Я приблизительно так и думал. Учишься?

– Уже нет.

– Я не про школу... – Он усмехнулся. – Значит, нигде не учишься?

Она помотала головой.

– А почему?

– Это мое дело, верно?

– Ладно, я не хотел тебя обидеть. И не работаешь нигде?

– Нет.

– Работу не можешь найти?

– А я не ищу, – она поджала губы. – Мне хватает денег.

– Отец, наверное, подкидывает?

– Ну. А что тут такого? – Эти вопросы ее не на шутку злили.

– А вообще, чем занимаешься?

– Валяюсь на диване, гуляю, книжки читаю, – она встала.

– Ладно, спасибо за кофе и вообще за все.

– Постой. Ты что, торопишься?

– Ну да. Мать будет волноваться.

– Да я тебя отвезу!

– Не надо, сама доеду.

– Значит, все-таки обиделась, – он тоже встал, взял ее за локоть. – Ладно тебе, я, наверное, правда не в свое дело лезу. Живи, как тебе нравится.

– Спасибо, что разрешил.

– Ну вот, опять...

Но они не поссорились в тот вечер, хотя ей почему-то все время хотелось огрызаться и подкалывать его. Игорь оказал-

ся старше ее на десять лет с хвостиком, а она тем не менее его не стеснялась. Хихикала, вспоминая глупое знакомство, комкала в кармане рваные колготки, и во всем этом не было никакой романтики, ничего похожего на любовное приключение. Он ей немного помог, конечно, потом накормил обедом, потом напоил кофе... Ну и что? Она же ни о чем подобном его не просила, он сам навязался. А значит, сила на ее стороне. Не она этого хотела. Он ей не нужен.

Уже стемнело, когда Игорь спросил:

– У тебя мать строгая?

– Скандальная, – ответила она, закуривая десятую за вечер сигарету. В комнате уже было не продохнуть от дыма, курили не прекращая. Разговор постепенно совсем заглох. Ей было скучновато и хотелось домой. Хотелось принять ванну и завалиться в постель с книжкой. Помечтать, подумать.

– А если не приедешь, что тебе скажут? – задал он осторожный вопрос.

– Как это? – Сердце у нее стукнуло сильно, но не от страха. Она и представить себе не могла, что Игорь способен на что-то дурное.

– Может, останешься у меня?

– Нет, с какой стати? – Анжелика возмутилась очень искренне, нахмурила брови, и он тут же отступил:

– Ладно, не пугайся. Я тебя сейчас отвезу.

– Я не пугаюсь, – надменно ответила она. – Ты меня просто удивил.

– А скажи... У тебя парень есть?

– Что? – Она совсем растерялась. Как отвечать? Врать, сказать правду? Что лучше? Он принимает ее за желторотую, сразу видно. И не знает, что с ней делать. Она вспомнила своих подруг. У многих были не то что парни – мужья, а то и дети без мужей, или шестимесячные животы, или аборты... У нее – ничего. Она даже не целовалась ни с кем в свои семнадцать лет. Анжелика часто спрашивала себя: «Может, я какая-то недоделанная? Почему парни меня не волнуют? Может, стоит начать с кем-нибудь, для приличия? А там – само образуется, нельзя же так просидеть всю жизнь!» Но ни на что не могла решиться. И вот он – момент расплаты. Он примет ее за дурочку. И все же она честно сказала:

– Никого нет. А почему тебя это волнует?

– А почему никого нет? – улыбнулся он.

Она разозлилась, грубо ответила:

– Не твое дело. Что ты мне допрос устраиваешь?!

– Ты мне нравишься, – спокойно ответил он. – Хочу знать о тебе побольше.

Она помолчала, сунула в пепельницу сигарету, вытерла о юбку пальцы, испачканные пеплом. Мотнула головой, спросила:

– Ну и что теперь?

– Анжелика, что ты злишься? Я же тебя пальцем не тронул!

– Еще бы ты тронул.

– А ведь мог бы, – он больше не улыбался, смотрел серьезно. – Ты хорошенькая. Поехала ко мне домой. Знаешь, как я всегда поступал с такими стоворчивыми девушками?

В лицо ей бросилась кровь, она резко встала, заявила:

– Твое благородство я уже заметила! А теперь вези домой.

Я бы сама доехала, но метро не ходит.

Он не стал ее задерживать, быстро накинул пиджак, вышел с нею на лестницу, запер квартиру. Уже в машине, после десяти минут молчания, он сказал:

– Оставь свой телефон.

Она без возражений достала из кармана блокнотик, записала номер, сунула ему. Он глянул на листок, сунул его в карман, спросил:

– Номер настоящий?

– Конечно.

– Кто знает? Может, я тебе уже надоел?

– Нет. – Она смотрела в окно, потом опустила стекло, выставила наружу локоть и предоставила ветру трепать свои волосы.

– Простудишься.

– Никогда, – она все еще смотрела в окно.

Он вдруг резко затормозил, она удивленно повернулась к нему:

– Нам еще далеко!

– Ладно, – ответил он и вдруг схватил ее голову в ладони, притянул к себе, присосался к ее сжатому рту своими горя-

чими губами. Она чуть не потеряла равновесия, так сильно он притянул ее к себе, одной рукой уперлась ему в колени, рука поехала по брюкам, она резко дернулась назад, прижалась к спинке сиденья, вся красная. Сердце билось так сильно, что в ушах стоял шум, она оглохла. Он привел в порядок рубашку, поправил пояс на брюках, закурил, посидел с минутой, глядя прямо перед собой. Потом снова тронул машину с места, не говоря ни слова. Только довезя ее до дома и высаживая, сказал:

– Я тебе завтра позвоню, ладно?

Девушка ничего не ответила, выскочила из машины, пошла к подъезду, не оборачиваясь, стараясь держаться прямо, как будто все случившееся ничуть ее не волновало. Дома мать устроила ей сцену, но Анжелике было все равно. Она даже с удовольствием выслушала замечание матери о том, что глаза у нее горят как-то нехорошо. В своей комнате Анжелика посмотрела в зеркало. Глаза действительно горели, как у кошки в темноте. Она погасила свет, легла, свернулась калачиком и скоро уснула.

Он позвонил ей, как и обещал. И с того дня звонил часто, почти каждый день. Не всегда они могли встретиться, Игорь много работал, но по воскресеньям обязательно приглашал ее в хороший ресторан, а потом вез к себе домой. Они ни разу не были ни в кино, ни в театре. Мать, познакомившись с Игорем, неожиданно осталась довольна. Правда, он уже взрослый человек, но, кажется, Анжелику не трогает,

все идет к свадьбе. Подруги завидовали – у него была квартира, машина. Со своими родственниками Игорь ее не знакомил. Анжелика этого и не требовала. Она сама не могла бы сказать, что происходит? Влюблена она? Может быть. Ей нравится, когда он ее целует, гладит ее шею, грудь, тяжело дышит и потом долго приходит в себя, сидя на диване и куря сигарету. До чего-то серьезного у них никак не доходило. У Игоря оказались собственные, какие-то старомодные принципы на этот счет. Он любил все делать постепенно, основательно, и она ему не мешала строить планы – вот они поженились, вот он сделает хороший ремонт, поменяет машину... С ним было скучновато, но просто.

Они поженились день в день, как выходило по его расчетам. Он приурочил свадьбу к маленькому отпуску на работе. Хотели поехать в свадебное путешествие, но он в последний момент отменил поездку – жаль было денег. Анжелика впервые заметила тогда, что он довольно скуп. Нет, на нее саму он денег не жалел. Давал на дорогие наряды, сам спросил, почему бы ей не проколоть уши, тогда он подарит ей сережки с бриллиантами, в пару к кольцу, которое у нее уже было. Анжелика всю жизнь смертельно боялась крови и всего, что с нею связано – операций, ножей, родов... Но пошла в косметологию и уши проколола. Одно ухо – неудачно, оно долго не заживало, кровоточило, опухало, но зато в нем блеснул бриллиант.

Игорь сразу сказал ей, что детей пока не будет. Она слыш-

ком молода, ей надо получить какую-нибудь профессию, хотя бы устроиться в хорошем офисе или банке. Он, конечно, зарабатывает прилично, но хочет, чтобы она тоже работала. Анжелика только плечами пожала – ради бога! Детей она и сама не хотела. Не представляла себе, какими они будут и что ей с ними делать. Кроме того, ее пугали предстоящие роды. Так что все устроилось к общему удовольствию. Она пошла на годовичные курсы секретарей-референтов. Училась вяло, часто пропускала занятия, слушала невнимательно, никогда ничего не записывала. Вообще, она стала замечать, что ее все меньше волнует собственное будущее. О чем думать? Чего ждать? Если надо будет что-то предпринять, Игорь позаботится и сам все сделает. Иногда на нее вдруг нападала дикая хандра, она едва волочила ноги, не могла даже приготовить обед, вытереть пыль, повесить в шкаф разбросанную одежду. Вечером он приходил домой, выговаривал за то, что нечего есть, но сильно не сердился – всегда можно было порезать ветчины, открыть сок, сделать наскоро салат.

Игорь наконец познакомил ее со своей матерью и с братом. Мать была сухонькая, болезненная, на вид – старуха. Анжелика была поражена, узнав, что ей всего пятьдесят лет. Врачи отмерили ей еще года полтора жизни. У нее был рак груди, никакие операции не могли остановить процесс. Мать держалась с ней равнодушно, казалось, ей уже было все равно, как складывается жизнь старшего сына, на ком он женился и какие у молодых планы на будущее. Анжелика пе-

ред ней робела и казалась дурочкой. Это знакомство оставило тяжелое впечатление. Зато Саша ей понравился. Он был худенький, подвижный, веселый, рассказывал анекдоты, не обращая внимания на молчание матери, сам смеялся своим шуткам... Да и по возрасту он был ближе Анжелике – между братьями была разница в пять лет. Они подружились почти сразу. Игорь был не очень доволен этой дружбой.

– Но почему ты против, чтобы он к нам зашел? – удивлялась Анжелика как-то вечером.

– Потому.

– Но объясни!

– Мой брат – болван и бездельник.

– Я не заметила...

– А ты много замечаешь? – раздраженно ответил он. – А то, что Сашка к тебе клеится? Ты и этого не видишь, честно?

Анжелика в ответ засмеялась. Саша действительно относился к ней с большой симпатией, но слово «клеится» сюда не годилось. Однако она уже успела понять, что Игорь очень ревнив, и ничего ему не ответила.

– Ему двадцать три года, – говорил ее муж как-то в другой раз. – А он сидит у меня на шее! Он бы в жизни не смог купить квартиру! Так бы мы все и сидели с матерью в этой двухкомнатной, если бы не я! А теперь мать при смерти... Получается, что я горбатился для него?

– Почему?

– Да ведь квартира матери теперь достанется ему!

– Но разве это не справедливо? – удивилась она. – Ведь эту квартиру он потерял... Должен был ты ему дать что-то взамен, как по-твоему?

Это рассуждение не понравилось Игорю.

– Дать? А за что дать? За какие заслуги?! Если бы я мог, я бы просто вышвырнул его отсюда безо всякой квартиры и никогда бы его не видел! Но мать... Все из-за нее.

– Саша ухаживает за ней... – робко напомнила Анжелика.
– Ты туда никогда не приходишь...

– Ах, боже мой! – Он окончательно разозлился. – Было бы дешевле нанять ей медсестру! Ты знаешь, сколько он мне стоит?!

Она не знала и прикусила язык. Саша действительно нигде не работал. Раз в месяц, а то и реже, он пытался проверить какую-нибудь финансовую операцию, обычно брал где-нибудь товар и сдавал его в магазин. Но этот бизнес становился все менее прибыльным, а считать деньги он не умел, так что Игорь был вынужден подкидывать ему на жизнь. Спорить с мужем на эту тему она больше не решалась. Да и Саша, честно говоря, не слишком ее заботил. Ее вообще мало что заботило с тех пор, как она вышла замуж. Исчезли проблемы, исчезли планы на будущее, исчезли также и все интересы. Все, что она делала – ходила на курсы, слегка прибиралась в квартире, готовила ужин, стирала – все это не затрагивало ни ума, ни сердца. Но она не бунтовала. Зачем? Ради чего? Ее мать была счастлива, что Анжелика так хоро-

шо устроилась. Она хотела бы почаще видеть дочь, но это было трудно. Игорь не любил, когда в дом приходили посторонние, а сама Анжелика по доброй воле к матери не пошла бы. Было только одно событие в ее жизни, которое как-то ее задело. Это случилось вскоре после свадьбы.

Игорь дал ей денег, чтобы она купила себе осеннее пальто. За покупкой она отправилась в ГУМ – по рекомендации мужа. Именно там одевались жены его сослуживцев, и он хотел, чтобы Анжелика ничем не выделялась на их фоне. А ей было все равно, где и что покупать. Будь ее воля, она по-прежнему не вылезала бы из джинсов и широких бесформенных юбок, как до свадьбы, но муж хотел, чтобы она выглядела дамой. В ГУМе она долго бродила по этажам, никак не могла ничего выбрать, комкала в кармане доллары, примеряла одно пальто за другим, но все больше приходила к выводу, что придется купить первое, что под руку подвернется. Хотя бы чтобы успокоить Игоря. Она уже в сотый раз сняла с вешалки очередное пальто, надела его, застегнула, встала перед большим зеркалом. Пальто было широкое, синее, с золотыми пуговицами, с капюшоном, как было модно. В этом магазинчике оно было в единственном экземпляре. Глядя в зеркало, она поворачивалась то так, то этак, нерешительно хмурилась, вздыхала.

– Вы будете брать? – услышала она рядом высокий женский голос.

Обернулась, решив, что это продавщица. Но перед ней

стояла молодая женщина ее роста и комплекции, нарядная, ухоженная. Женщина нетерпеливо рассматривала пальто, было видно, что оно ей приглянулось.

– Не знаю, – ответила Анжелика.

– Это какой размер?

– Сорок восьмой.

– Как раз мой. Вам не нравится?

– Не знаю. – Женщина не понравилась Анжелике своей бесцеремонностью, и она решила купить пальто ей назло. – Нет, нравится. Я его беру.

Лицо женщины погасло, она едва сдерживала раздражение.

– Вам длинновато, – процедила она, еще не веря, что пальто ей не достанется.

– Если мне длинновато, то вам тем более, – заметила Анжелика. – Вы ниже меня.

– Ничего подобного. Какой у вас рост?

– Метр шестьдесят восемь.

– И у меня такой же, – вырвалось у женщины.

– Вот видите, – Анжелика недобро усмехнулась. – Значит, и вам оно будет не впору.

– Андрей! – Женщина обернулась, выглядывая кого-то возле кассы. – Пройди сюда! Посмотри!

Анжелика окаменела. Она увидела своего отца. Он продрался сквозь небольшую очередь из трех человек, стоявших к кассиру, сделал пару шагов и тоже замер. Они не виделись

несколько лет, но сразу узнали друг друга. Анжелика едва устояла на ногах. Голова у нее шла кругом, в глазах все плыло. Она поняла, что ничего не посмеет ему сказать в присутствии этой женщины, не найдет слов, не найдет слез. «Я соскучилась по тебе! Почему ты никогда мне не звонишь? Почему мы не видимся? Как ты живешь?» – Эти вопросы вертелись у нее в голове, но она понимала, что задать их не посмеет. Если бы они были одни...

Она не стала дожидаться, пока он опомнится и подойдет. Быстро скинула пальто, сунула его изумленной женщине:
– Берите!

И бочком протиснулась мимо отца, вылетела из магазинчика на галерею, побежала прочь. «Как будто что-то укра-ла!» – стучало у нее в голове. Опомнилась она только на улице. Вытащила сигарету, закурила, закашлялась. На глаза выступили слезы. «Я вела себя как дура... – сказала она себе. – Что он теперь обо мне подумает? Что я видеть его не хочу? Боже мой...» От волнения она бессознательно стала терзать неудачно проколотое ухо – появилась такая привычка. Пришла в себя только тогда, когда увидела на пальцах кровь, и испугалась.

Эта встреча забылась не скоро, хотя у Анжелики было о чем подумать. Умерла мать Игоря. Врачи просчитались – процесс пошел быстрее, чем думали. Анжелика на похороны не пошла – умоляла мужа пощадить ее, говорила, что от такого зрелища будет неделю валяться больная. Он как будто

не рассердился. После похорон все изменилось – Игорь наотрез отказался помогать брату. А еще через два года Анжелика стала свидетельницей разрыва братьев.

– С какой стати? – злобно говорил Игорь. – Ты получил квартиру! Она была куплена не для тебя!

– Однокомнатная халупа... – вздыхал Саша. – Ты никогда не думал, как я там жил с мамой?

– Мне было о чем подумать, кроме твоих проблем!

– Ну да, ты женился. А теперь женишься и я.

– А куда жену приведешь? В ту квартиру? Она что, халавщица вроде тебя?!

– Не беспокойся, никто к тебе больше за деньгами не придет. – Саша едва сдерживался. – Я только хотел занять на свадьбу.

– Ну нет, дружок... – Игорь нехорошо заулыбался. – Ты уже большой мальчик, и хорошо бы тебе за все платить самому.

– Ладно, – поднялся Саша. – В таком случае, все. Считай, что я у тебя ничего не просил.

– Хорошо, – с удовольствием ответил Игорь. – И запомни как следует – больше я тебе ни копейки не дам.

Он говорил твердо, уверенно, Анжелика сидела сжавшись. Ей было стыдно за скупость мужа, обидно за Сашу, и вообще – неуютно и одиноко. В этой семье постоянно говорили о деньгах. Значение имели только деньги. Саша был получше брата хотя бы потому, что был веселый. Игорь все-

рьез начинал ее злить.

Саша все же пригласил их на свадьбу. Игорь пошел – чтобы не нарушать приличий. Подарил набор хрустальных бокалов. Хрусталь был недорогой, некрасивый, грубой работы. Анжелика нашла в себе смелость возмутиться:

– Это плохой подарок! Он все же твой единственный брат!

– И слава богу, что единственный, – ответил Игорь. – Двух таких же я бы не вынес. Иногда я его убить хочу.

Она не поняла, всерьез он говорил или нет, но больше спорить не стала. Пошли на свадьбу.

Конечно, их подарок был хуже всех остальных. Гостей было много – друзья Саши, подруги Лены. Лена ей не понравилась. Бледная, полноватая, тщательно причесанная блондинка в тесном белом платье и с цветком в волосах. Говорила мало, не смеялась, когда шутили. Анжелика по-другому представляла себе невесту Саши. А Саша хохотал, напился, полез целоваться к брату. Игорь брезгливо отворачивался, не выносил запаха водки, сам пил одно вино. Анжелика сучала и сидела, как каменная, в своем новом дорогом костюме. В ушах и на пальцах у нее блестели бриллианты. Недавно Игорь подарил ей еще одно дорогое кольцо. Она подозревала, что это было сделано напоказ, назло Саше: «Вот, мол, куда я предпочитаю тратить деньги!»

По дороге домой, в машине, Анжелика осторожно сказала:

– Кажется, Саша на тебя не обижается.

Машина вильнула – Игорь от возмущения едва не выпустил руль. Обернулся к ней, прошипел:

– Что?! За что ему на меня обижаться?! Ты думай, что болтаешь!

– Но...

– Что «но»?! Я ему сделал неплохой подарочек на свадьбу!

– Боже, да о чем ты?

– О квартире!

Анжелика поняла, что сказала глупость, покусала крашенные губы, примирительно заметила:

– А Лена мне не понравилась. Кажется, она скучная. Что он в ней нашел?

– Она-то что в нем нашла? – Игорь пожал плечами, немного успокоившись. – Вроде умная баба, хорошо зарабатывает.

– А как ты разглядел ее ум?

– Ревнуешь?

– Я никогда не ревную, в отличие от тебя. Просто странно, вы же два слова друг другу сказали. А ты уже говоришь о ней так...

– Она сказала, что их магазину нужен капитальный ремонт и перепланировка. Спросила, может ли наша фирма заняться этим. Короче, мы встретимся, и они сделают заказ. На приличную сумму, я думаю. У них торговый зал сто двадцать квадратных метров. Торгуют мехами и дубленками.

– О... – Анжелика зевнула от скуки. – Надо же, какая она

романтичная... Думать о ремонте торгового зала на своей свадьбе...

– Это лучше, чем думать, у кого бы занять на свадьбу, – отрезал он. – Кроме того, какая тут романтика? Они не маленькие.

– Им по двадцать пять, разве это старость? – улыбнулась Анжелика.

– Ей – двадцать семь.

– Она некрасивая.

– Да? – заметил Игорь. – Ну, это не главное. Нет, я рад, что жена ему попала с головой. Может, он тоже немного поумнеет. Во всяком случае, она будет его держать в руках.

– Он вляпался, – сонно пробормотала Анжелика. И сама не знала, как была права.

Саша не поумнел, как надеялся его брат. Он по-прежнему не имел постоянного места работы, все еще пытался организовать какие-то проекты, но не мог найти денег. Лена работала, как муравей: упорно, ежедневно, тщательно. По словам Саши, она редко бывала дома, хотя хозяйство вела безупречно. В основном молодая семья жила на заработки жены. Но денег у Игоря больше не просили.

Вскоре все как будто наладилось. Иногда ходили друг к другу в гости – Игорь стал заметно снисходительней к брату и мог часами разговаривать о делах с его женой. Анжелика при этом сидела в углу, блистала украшениями и молчала, глядя в телевизор. Ей было все равно, что смотреть – ново-

сти, политические ток-шоу, сериалы, «Спокойной ночи, малыши!». Она не видела экрана. Как-то к ней подсел Саша.

– Скучаешь?

– Заметно? – откликнулась она.

– Да, есть такое дело. Игорь когда собрался квартиру ремонтировать?

– Через недельку примерно.

– Вы тут останетесь на время ремонта?

– Он хочет снять квартиру на два месяца, пока все не будет готово. А то будет мусор, пыль... Он же все решил поменять – окна, двери, полы... Еще спасибо, перегородки ломать не будет. Здесь нечего перепланировать.

– Он сейчас здорово зарабатывает, – заметил Саша. – Мог бы купить квартиру получше.

– Мог бы, но ему денег жалко. Да и зачем нам теперь большая квартира? Нас двое.

– А нам бы пригодилась... – вздохнул Саша. – Лена жалуется – одна комната, я прихожу ночью, ее бужу.

– Ночью? – Анжелика немного оживилась. – А откуда, если не секрет?

– Не скажешь своему?

– Зачем мне это?

– Ладно. Ленка ему тоже не скажет, не любит жаловаться. Знаешь, я ведь бросил свой бизнес. Я играю, – тихо сообщил он. – Не веришь? Каждую ночь. И постоянно остаюсь в плюсе. То есть иногда я продуваюсь, но вообще, ты не можешь

себе представить, сколько людей живут только на игру.

– Я не поняла...

– Я играю в казино, чего тут не понять?

– Но это же... – Анжелика совсем очнулась от своей спячки. – Опасно?

– С чего ты взяла?

– Но там жулики...

– Деточка, ты с Луны свалилась? При чем тут жулики? Я же не в наперсток играю и не в «три листика».

– А во что?

– В блек-джек. Рулетку я не люблю, там же от меня ни черта не зависит. А в блек-джек можно делать свою игру.

– И ты действительно живешь на это?

– Да. Получается недурно.

– А как же Лена к этому относится?

Он замялся, глянул назад. Лена и Игорь рассматривали иллюстрированный каталог строительной фирмы. Саша нагнулся к Анжелике и прошептал:

– Она дуется, но на самом деле дулась бы еще больше, если бы знала, что я проигрываю. А так я ей в деньгах не отчитываюсь, говорю, что выигрываю понемногу. Потом приношу сразу кучу денег и она довольна. В общем, она хорошая баба, только сперва пыталась меня контролировать. А теперь – нет. Привыкла, знает, куда я хожу. Она боялась, что у меня любовница. Я ее туда свозил, она посмотрела, сказала, что занятие для тупых, но больше не возражала.

– Куда ты ее свозил?

– На «Александра Блока». Это такой пароход, стоит на приколе возле набережной. Хочешь, свожу, поиграешь?

– Я?!

– А что? Лучше сидеть тут и киснуть?

– Да ты представляешь себе, что скажет Игорь?

– А тебе не все равно?

Анжелика вдруг задумалась. Действительно, мнение мужа ее не интересовало, но скандала хотелось бы избежать.

– Слушай, – предложил Саша. – Давай-ка сделаем так. Ты ему скажешь, что ночуешь у мамы, а я тебя туда свожу на ночь. Утром вернешься. Твоя мать не будет сюда звонить, верно? И он ей не будет. Они же вроде не дружат?

– Она не позвонит, а вдруг он проверит, где я?

– С какой стати?

Довод был неубедительный, но она уже не нуждалась в убеждениях. В голове билась одна мысль: «Куда угодно, только бы на время встряхнуться, вырваться отсюда!» На время – только ради забавы. Большого она не планировала.

Все устроилось просто. Игорь немного удивился, когда она сказала, что мать ее зовет переночевать. Но Анжелика объяснила – та соскучилась, живет одна, ее можно понять. «Конечно, – сказал Игорь. – Я как-то о ней забыл. Съезди». Она сама добралась до нужного места, постояла на набережной, глядя на пароход, на реку, на огни гостиницы. Ей вспомнилось, что неподалеку отсюда, на набережной, она когда-то

встретила мужа. Но никаких чувств это воспоминание не вызвало. На душе было весело и тревожно. Саша немного опоздал, но извиняться не стал – подхватил ее под локоть, они пошли на пароход. Там он познакомил ее со своими друзьями – завсегдатаями. Ей запомнились две высокие худые девушки, одетые небрежно, как когда-то она сама одевалась – джинсы, свитера, грубые ботинки. Блондинку, стриженную почти налысо, звали Лиза, шатенку с кудрями до плеч – Ксения. Они смеялись, шутили, а Анжелика робко принимала участие в их веселье. Также ей запомнился приятель Лизы – Армен, холеный армянин, очень красивый, но маленького роста. Он едва доставал своей подружке до подбородка, но это никого не смущало. Анжелика не села за стол, где шла игра, она встала за стулом Саши и внимательно следила за происходящим, мало-помалу начиная вникать в правила. Казино было дешевое, публика пестрая, на нее никто не обращал внимания, и вскоре она почувствовала себя как дома. К утру она тоже осмелилась пару раз сыграть и выиграла пятьдесят долларов.

– Видишь? – сиял Саша. Ему в ту ночь повезло куда больше – он выиграл долларов шестьсот. – Все просто. А тебе, как новичку, должно везти.

На другой день она снова отпросилась «к маме». То же случилось и на третий. Именно в ту, третью ночь ее постигла катастрофа. Она проиграла все деньги, которые у нее были. Это были деньги на хозяйство, их ей дал Игорь. А больше

у нее ничего не было. Она по-прежнему не работала, курсы секретарей-референтов как-то сами собой канули в прошлое, она их не окончила. Игорь давал ей деньги очень скупо. Он был поглощен ремонтом, который делала его же строительная фирма. Как сотруднику, ему все обошлось по дешевке, но он все равно говорил, что надо экономить. Он хотел купить себе «Вольво», с иглолочки обставить квартиру и устроить званый вечер для своих сослуживцев. Анжелика была в растерянности.

– Слушай, не расстраивайся! – утешал ее Саша. – Подумаешь, мелочь. Я бы тебе занял, но у меня у самого сейчас ничего нет.

– Но он меня спросит, куда я дела деньги? Что я скажу?!

– Отыграйся.

– На что?!

– Глупости какие! Хватит пятисот долларов, чтобы все вернуть.

– Но у меня их нет.

– Возьми у мамы.

– Смеешься?!

– Тогда у Игоря.

– Он заметит.

– Вот жлоб! – Саша ругнулся. Он совсем перестал стесняться Анжелики, она стала своей девчонкой. – Ну, продай что-нибудь.

– Что?!

– Брюлики свои. Не поняла? Бриллианты. Два кольца, серьги... Дадут хорошие деньги.

– А ему я что скажу?

– Скажи – тебя ограбили. Все сняли.

– Нет, я не могу.

Но она смогла. Стоило ей подумать, как отнесется Игорь к новости, что все хозяйственные деньги куда-то делись, и она смогла... Как-то утром сняла драгоценности, доверчиво отдала их Саше. В тот же день он привез ей деньги – полторы тысячи долларов. Правда, она знала, что Игорь в свое время не поскупился, купил ей дорогие украшения, с хорошими камнями, а не с осколками, но все равно удивилась. Она удивилась бы еще больше, если бы узнала, сколько денег осело при этой операции в кармане Саши. Но тогда она была слишком неопытна и ничего не поняла. Благодарила его и одновременно паниковала:

– Что я ему скажу?!

– Уйди из дома, – советовал ей Саша. – Вечером вернешься, зареванная, порви себе что-нибудь, ну, хоть колготки, и скажи, что какой-то парень встретил тебя в переулке и заставил все снять. Будто бы показал нож.

– Он в милицию заявит!

– Ну и ладно.

Она убежала из дома, до вечера бродила по городу, вернулась в темноте. Нервничая, снова теребила мочку плохо зажившего уха, и потому, когда Игорь открыл ей дверь, объ-

яснять ничего не пришлось. Он бросил взгляд на ее лицо, задержался на ухе и побелел.

– Серьги сорвали?!

Ей осталось кивнуть головой. Муж в ужасе потащил ее в ванную, промыл окровавленное ухо перекисью водорода, приговаривая:

– Нет, мочку не порвали... Боже мой... Как это случилось?

– Кольца тоже... – проревела она. Ревела не от боли, а от стыда.

– Все сняли?!

Тут она задала такого реву, что он больше ни о чем не спрашивал – возился и суетился весь вечер, уложил ее в постель, поил валерьянкой. Ее сбивчивый, путаный рассказ произвел правдивое впечатление. В милицию Игорь решил не заявлять:

– Все равно не найдут. Ты же его даже описать не можешь. Не рассмотрела даже, во что он был одет!

– Было темно... – ревела она. – Прости меня!

– Ладно, спи.

Из этой истории она выпуталась. Но только ненадолго. Ее мать внезапно позвонила и действительно попросила Анжелику приехать. Трубку снял Игорь... Объяснение с мужем было страшным, долгим и тяжелым. Сперва Анжелика врала, врала отчаянно и упорно. Потом стала сдаваться, снижать, потом заплакала и выложила все. Он ничего ей не ска-

зал в ту минуту, только потемнел лицом, вышел в другую комнату. К тому времени они уже вернулись в свою отремонтированную квартиру. Спали некоторое время в разных комнатах, не говорили друг с другом. Саша не звонил, не появлялся. Ночи были муторные, наполненные кошмарными снами или бессонницей. Анжелика исхудала, часами сидела сторбившись, не включая даже телевизора. Наконец Игорь сказал, что готов все забыть, но при условии: она никогда больше не будет ездить в казино и Саша к ним больше не придет. Она снова получит драгоценности – он купит кольца и серьги, не хочет, чтобы его жена выглядела замарашкой. Но эти драгоценности Игорь будет выдавать ей сам и только для совместных выходов в свет. Анжелика больше не будет иметь личных денег. Он сам будет каждое утро выдавать ей деньги на продукты, но не на месяц, как было раньше, а только на текущий день. И она будет отчитываться в каждой копейке. Только на этих условиях он берется все забыть и сохранить семью. Анжелика сказала «да». И сама в тот миг не знала, что подписывает мужу смертный приговор.

Глава 3

Давно наступила глубокая ночь. В комнате стало холодно, из-под прикрытой двери дуло. Она пыталась понять – почему? И вдруг догадалась: в большой комнате, где утром она нашла труп, была открыта форточка. Она сама ее открыла утром.

Анжелика встала с постели, оделась, как будто собиралась куда-то идти. До халата не дотронулась, натянула джинсы, свитер. Странно, но она чувствовала себя как в гостях – полежала и хватит. Пора что-то предпринять. Когда она вернулась домой от Лены и Саши, ничего осматривать и искать не стала – не было сил. Сразу упала в постель и пролежала так несколько часов, вспоминая всю свою жизнь с Игорем, день за днем. Искала объяснений? Но ей и так все было ясно. Пыталась оттянуть тот момент, когда надо будет чем-то заняться? Это скорее похоже на правду. А теперь на нее вдруг напала необъяснимая тревога, как будто что-то должно было случиться, с минуты на минуту. Все мысли сосредоточились на окурке. «Как будто это может что-то прояснить! – сказала она себе и в нерешительности присела на постель. – Да, похоже, до меня только теперь доходит... Кто здесь был? Кто уронил эту сигарету? Кто, кто его убил?! Милиция спрашивала меня о его врагах... Я никого не знаю! Его жизнь для меня – закрытая книга! Я ни черта о нем не знала, хотя про-

жила с ним почти семь лет!» Эта мысль ее поразила. Семь лет неизвестности и пустоты. Она лгала ему. Он... Наверное, тоже что-то скрывал, если в конце концов обзавелся таким смертельным врагом! Как он вел себя в последнее время? Был тревожен, печален? Она не помнила...

Она вообще мало что помнила с того времени, когда он поймал ее на продаже бриллиантов. А ведь прошло несколько лет... Анжелика сперва не решалась противоречить ему, сидела вечерами дома, экономно тратила деньги. Саша не звонил и не приходил больше в гости. Игорь отмалчивался, не любил вспоминать эту «грязную историю». Но через несколько месяцев Анжелика не выдержала. Она и сама не знала, что уже отравлена той ночной напряженной жизнью казино, жизнью, где был и риск, и азарт, и счастье – неверное, изменчивое, но все же счастье выигрыша... Когда ей везло – она была на вершине блаженства. Если проигрывала – старалась не замечать. И она снова поехала туда. Сперва не заживалась допоздна, чтобы не выдать себя – уезжала около полуночи домой, унося в кармане жалкий выигрыш. Ведь делать больших ставок она больше не могла. Потом случилось неожиданное – позвонила мать и сказала, что отец снова прислал ей почтовый перевод, по старому адресу. Почему он решил вдруг помочь замужней, обеспеченной дочери – неизвестно. Анжелика съездила домой, получила квитанцию, выслушала претензии матери, что редко заходит, и, слегка разбогатев, сразу поехала на пароход. А вернулась только к утру.

Ей в ту ночь неслыханно везло.

Это был переломный момент в ее жизни. Игорь ударил ее по лицу, как только она открыла дверь. Потом стал шарить по карманам, а она, вдруг взбесившись, стала бросать на пол скомканные деньги, истерически визжа:

– Вот, вот, получай, мне не нужно ничего! Это не твои деньги, понял?! Я играла на деньги отца! А твои деньги на хозяйство – в другой сумке, вот, сам посмотри! Я ее с собой не брала!

Неизвестно, что с ним тогда случилось. Может быть, он пережил шок оттого, что ударил беспутную, но все еще любимую жену. Может, его убедили слова Анжелики – она действительно не тронула хозяйственных денег. А может быть, произвела впечатление выигранная ею сумма. Но так или иначе муж больше не трогал ее. Она стала ездить в казино почти каждый вечер, снова установила отношения с Сашей, Лизкой, Ксенией и Арменом. Она была безмерно счастлива видеть их, болтать с ними на одну и ту же тему – игра, удача, деньги. Эти разговоры о деньгах были совсем не такими скучными, какие вел Игорь. Эти деньги были другие, как будто ненастоящие – приходили ниоткуда и уходили в никуда. Они как будто не имели цены, пока шла игра, но стоило Анжелике выйти на рассвете на пустынную набережную, как деньги снова обретали значение и смысл. Она подсчитывала выигрыш или проигрыш, тут же, не боясь, что кто-то на нее в этот миг смотрит. Ловила машину, ехала домой.

Входила в квартиру, стараясь не шуметь, – Игорь в это время видел последний, самый чуткий сон. Раздевалась, ложилась спать в своей комнате. Когда она просыпалась – далеко за полдень, уже пора было готовить ему ужин, убираться, бежать в магазин. Она тщательно следила, чтобы он был накормлен, обстиран, ухожен, как будто старалась возместить все прочие неудобства. Муж никогда не говорил ей «спасибо», но зато и не ругал больше. Уже не обсуждались ее поездки в казино – она ведь не наносила ущерба семейному бюджету. Деньги Игоря стали для нее табу. Она основала свой маленький «фонд игры», в основание которого лег тот своевременный перевод от отца. Деньги Анжелика брала только из этого фонда. Саша нередко просил у нее в долг, но она не давала. К тому времени девушка уже узнала цену многим вещам и поняла, как он нажился на продаже ее драгоценностей. Они крепко поругались, но вскоре снова помирились – Анжелика не умела злиться долго.

«А Игоря я уже не замечала... – сказала она себе теперь. – Он жил какой-то своей жизнью. Может быть, у него были свои тайны или трагедии. Может, была другая женщина. Почему он со мной не разводился? Вот чего я не могу понять. Я была чудовищем. Мерзким, запутавшимся чудовищем. Я с ума сошла. Я его в конце концов приговорила к смерти, но убил кто-то другой. Вот и мучайся теперь! – злобно прикрикнула она на себя. – Получила?! Неизвестно, что теперь будет... Кто это сделал, кто?!»

Анжелика вскочила и, запретив себе сейчас вспоминать прошлое, вошла в ту комнату, откуда утром увезли труп.

Здесь было темно и холодно. Она торопливо нашарила выключатель на стене, зажегся свет. Да, форточка открыта. Майские ночи не созданы для открытых форточек. А этот май – ледяной. Анжелика машинально бросила взгляд на ковровое покрытие, на то место, где лежало тело Игоря, на темное просохшее пятно, почти неразличимое на коричневом фоне. Если не знать, что оно там есть, и не разглядишь. Она подошла к этому месту, присела, потрогала пятно пальцем. Все это Игорем не было, да и не Игорь ее волновал. Она бросилась к пепельнице. Там было полно окурков, ее собственных. Она порылась, извлекла со дна тот самый, первый. Поднесла к свету, рассмотрела, даже понюхала. Фильтр был белый, с тоненькой золотой полоской. Надписи – никакой. Анжелика порылась на столе, оторвала какую-то бумажку, завернула окурочек и положила его в карман. «На радость Лене, – подумала она. – Но что это нам дает? Лена может сколько угодно разыгрывать умницу, но понять по окурочку, кто это сделал, не сможет. Это уже превышает человеческие возможности».

По ее телу вдруг прошла судорога. Она чуть не вскрикнула от испуга, схватилась за подоконник, отдышалась. «Это от холода, от страха... – стучало у нее в голове. – Мне так одиноко здесь... Я не должна была оставаться одна! Ни в каком случае!» Но что было делать? Идти к соседям? Позво-

нить друзьям, чтобы приехали поддержать? Абсурд. В этот час все ее немногочисленные друзья находятся в казино. И не приедут они, даже если она будет умирать. Не те люди. Не те отношения. Она годится разве как товарищ для игры. С ней можно потрепаться в баре, не ощутив скуки. Она сумеет поддержать шутку, даст себя обхватить за плечи, не возмутится. Но все это – не всерьез, понарошку. На самом деле никто не приставал к ней в казино. Там думают не о женщинах, не о даровой выпивке в баре – все это проходит как бы на заднем плане. Анжелика это прекрасно понимала. Но ей было плохо, ей было страшно. Воспоминания наваливались огромной ледяной волной, топили разум, остатки самообладания... Она села в кресло, закурила.

Теперь девушка вспоминала события совсем недавнего времени. Как все это случилось? Что было последней каплей? Когда она потеряла чувство реальности? Она вспоминала – была какая-то безумная ночь, она играла, как остервенелая, как будто то была ее последняя игра. Почему? Может, Игорь все же сказал ей что-то неприятное, когда она собиралась в казино, может, просто на душе было паршиво. Делала одну ставку за другой, выигрывал крупье, в конце концов у нее ничего не осталось. Разумеется, только в карманах. Дома у нее всегда был запас. Она повернулась к Саше – тот сидел рядом. Жестко сказала:

- Дай мне пять фишек.
- С какой стати?

– Я тебе сегодня же отдам.

Он знал, что у нее есть дома деньги, потому не отказал. Ему в ту ночь везло. Она проиграла его фишки, снова попросила. Он дал еще парочку, но предупредил, чтобы она была осторожней. Пустые слова. Когда он отказался дать ей фишки в очередной раз, она встала и отправилась в бар. Нашла Армена, заняла у него денег. Поменяла их на фишки, продолжала играть. Когда спустила и это, обратилась к Лизе. Та недавно получила что-то вроде наследства, была при деньгах и смогла одолжить Анжелике требуемую сумму. Все знали, что Анжелика имеет свой «фонд игры», поэтому давали смело. Без денег она не оставалась со времен своего бриллиантового приключения. Слишком сильны были воспоминания о позоре.

Наутро, когда Анжелика, пошатываясь, выползла на набережную, в карманах у нее снова не осталось ничего. Только теперь в ее голове включился счетчик. Она поняла, что проиграла под честное слово больше трех тысяч долларов. Дома, в заначке, было всего пятьсот. Она стояла оцепенев. Ей казалось, что это случилось не с ней. Под каким-то гипнозом она приехала домой на метро, легла в постель, уснула, не думая больше ни о чем. Разбудил ее звонок. Звонил Саша. Для начала он невинно осведомился, поедет ли она вечером в казино. Она похолодела и ответила:

– Не знаю. Нездорова.

– Да? А как насчет денег?

– Я верну тебе, когда поправлюсь.

– Мне нужно сейчас. Я вчера продулся.

Она знала, что он врет. Собственными глазами видела, что выигрывал до конца. Но что скажешь? Это его дело, говорить о своем выигрыше или нет. Лезть в чужие дела считалось дурным тоном. Она обреченно ответила:

– Ладно, можешь приехать за деньгами. Только скорей, пока Игорь не вернулся.

Ей до смерти не хотелось трогать остатки «фонда игры». Она надеялась отыгаться, чтобы отдать долги. Другой возможности достать деньги она не видела. Саша вырывал у нее часть денег, но не отдать их значило заслужить среди завсегдатаев казино дурную репутацию. Этого она страшно боялась.

Он приехал быстро, как и обещал, и первым делом впился глазами в ее бледное лицо. Спросил:

– Случилось что-то?

– Катись, – ответила она, протягивая деньги – сто сорок долларов.

– На тебе лица нет, – засовывая деньги в карман, он выглядел уже куда человечней, внимательней к ее состоянию.

– Ты правда болеешь?

Он отступил к порогу и, уже уходя, заметил, словно это не имело значения:

– Армен и Лиза тебя будут ждать.

Она не понимала, откуда взялись силы устоять на ногах.

Фраза была совершенно ясна – никто не будет ждать, пока она раздобудет денег. Отдать надо немедленно, иначе разразится скандал, но отдавать было нечего.

– Постой, – пробормотала она.

И, когда он остановился, спросила:

– Ты не знаешь, кто может дать мне займы тысячи две с половиной?

– Чего?

– Баксов, разумеется.

– Ты вляпалась? – сочувственно спросил Саша.

Скрывать дальше правду смысла не имело. Он все равно может подсчитать, сколько она вчера заняла, сколько продула и сколько могло быть у нее в записке.

– Ты должен мне помочь, у тебя же есть деньги.

– Хорошо бы так, но их нет.

– Ты выиграл!

Эта бестактность его насмешила. Он заговорщицки подмигнул и сказал:

– Игоря испугалась? Он теперь стал добрый. Может, он простит? А?

– Ради бога... Всего две с половиной тысячи...

– Ты их должна Лизе и Армену?

– Да.

– Но ты же занимала и говорила, что сразу отдашь! Какого черта брала, если нет денег?!

– Хватит читать мораль... Они не могут немного подо-

ждать?

– Вряд ли. Если обещала, надо вернуть.

– Я знаю, но что мне делать?.. – Она не выдержала, разревелась.

Саша молча смотрел на ее унижение, потом сказал:

– Вроде бы есть у меня приятель, может дать в долг. Но под проценты. И обычно дает мужикам. А вот бабе...

– Поговори с ним! – Анжелика цеплялась за любую иллюзию. Она не смогла бы снова признаться мужу в проигрыше – ничего бы уже не могла. Надо было все скрыть, замести следы.

– Ладно, сиди дома. Я позвоню тебе вечером, если что-то устроится, и тогда приедешь на «Александра Блока».

Он не обманул, позвонил. Сказал: «Все уладилось. Приезжай». Она сорвалась с места, даже не попрощавшись с Игорем, как делала обычно. Правда, муж все равно не отвечал ей. Но ритуал был нарушен, не осталось и тени приличий. На пароходе Саша вручил ей требуемую сумму.

– Пятнадцать процентов в неделю, – предупредил он. – И здесь – три тысячи.

– Три?

– Пятьсот баксов, чтобы отыгаться и вернуть ему с процентами. Ты хоть сознаешь, что попала в передрагу? Он не дарит тебе эти деньги. Чем скорее ты их вернешь, тем лучше будет для тебя. Сама понимаешь.

Руки у нее дрожали. Она приняла деньги, прижала их к

груди, потом спрятала в карман. Не понимала, что чувствует в этот миг – счастье или страх. Только спросила:

– Он знает, что ты брал не для себя?

– Нет. Для тебя бы он не дал. Принципиально не дает денег бабам. Я взял для себя. Под расписку.

– Спасибо... – Ей на миг почудилось, что он самый лучший человек на свете. Пошел на такой риск ради нее! Вспомнились влюбленные взгляды, которые он кидал на нее в первое время ее замужества. Но эти взгляды давно исчезли. Кажется, в тот миг, когда Анжелика стала играть, она утратила для него всякую женскую привлекательность. Саша тут же отрезал:

– Не за что! Спасибо я тебе скажу, когда рассчитаешься с долгами. А пока – пиши.

– Что?

– Расписку. Мне.

– Я не понимаю...

– Чего не понимаешь? – Он рассердился. – Должны быть у меня какие-то гарантии, что ты не улизнешь с деньгами?! Если ты просто откажешься платить, кому отдуваться?! Как я докажу, что деньги отдал тебе?! Пиши!

И она написала все, что он требовал, подписалась, вернула ему расписку и, отупев от удивления, пообещала:

– Но я расплачусь! Я выиграю!

– А если ты не рассчитаешься, расплатится Игорь.

Этот ответ ее убил. Она стояла, глядя ему в глаза, словно

не веря услышанному и надеясь на продолжение. И он пояснил:

– У него водятся хорошие деньги. Я об этом стороной узнал. И конечно, он не захочет, чтобы на его жену упало такое позорное пятно. Расплатится, как миленький.

– Но ты не выдашь меня!

– При чем тут «выдам, не выдам!» – отмахнулся тот. – Я тут при чем? Зачем мне за тебя отдуваться? Короче, или ты добываешь деньги и платишь, или я иду к нему.

Она не стала возражать. В сущности, он уже сделал для нее достаточно. Теперь, вспоминая все это, Анжелика поражалась своей наивности... Ведь она могла попросить его предъявить ту, первую расписку. Там наверняка не было таких зверских процентов – пятнадцать в неделю! Такого не бывает! Саша не пошел бы на такой риск! Он мог специально раздуть проценты, чтобы разницу положить себе в карман. Могло быть и так, что никакого кредитора не было. Саша дал ей денег из своего кармана, надеясь в любом случае нажить – либо сама Анжелика заплатит, либо Игорь. Ее подпись муж не смог бы отрицать. Игорь заплатил бы, а потом выгнал жену. Или... «Или не заплатил бы... – сказала она себе, закуривая новую сигарету и глядя на кровавое пятно на полу. – Об этом Саша тоже подумал. Обязательно подумал. Потому и стал меня подгонять...»

Ей не удавалось ничего выиграть. В руки шла какая-то мелочь, а уходили крупные бумажки. Она все проиграла в два

вечера, хотя теперь была предельно осторожна. Но что значит осторожность в игре? Ее оставило самое главное – счастье. Да, она могла спокойно смотреть в глаза Лизе и Армену, но зато боялась встречаться с Сашей, а не встречаться с ним было невозможно. Наступил вечер, когда они вышли на палубу и он потребовал объяснений.

– Я вижу, что тебе не везет, – начал он. – Денег у тебя нет.

– Нет, – сокрушенно призналась она.

– Ты все продула?

– Все.

– В таком случае, надо что-то делать.

– А что? – устало спросила она. Посмотрела на берег, потом за борт. Вода была черная, грязная, с Москвы-реки недавно сошел последний лед. Апрель подходил к концу, весна опаздывала. – Опять продать бриллианты? Это невозможно, не пройдет во второй раз... Единственное, что я могу сделать, – в воду кинуться.

– Ну, уж прости! – засмеялся он. – Ты кинешься, а кто будет платить? Я?

– Игорь... Сам же говорил. А я устала. Я безумно устала. Если бы удалось расплатиться, я бы сюда больше никогда в жизни не пришла...

– Все так говорят. – И вдруг он придвинулся, горячо задышал прямо ей в ухо и начал говорить что-то такое запутанное и невероятное, что она долго не понимала, о чем речь. А когда поняла, не оттолкнула его, не закричала, не испугалась.

Нет! Какая-то блаженная прохлада вошла в ее сознание, прохлада освобождения, полного, окончательного. И через минуту ей казалось, что она сама задумала убийство, причем давно.

– У него на счету в банке тысяч двадцать... Я знаю... – шептал Саша. – А счет у вас общий! Ты что, забыла?! Ты тоже можешь с него что-то получить! Игорь не будет знать!

– Узнает... – Губы у нее онемели, едва двигались. Она совсем забыла об общем счете! Это была выдумка Игоря – в первое время их супружества, когда он задаривал ее подарками и закидывал деньгами. Он хотел, чтобы у них были общие деньги. Она забыла об этом. А Саша, оказывается, помнил.

– Послушай, но ведь он мог отменить наш общий счет! – возразила она. – Я столько всего натворила за эти годы!

– Он его не отменил.

– Да откуда ты знаешь?! И откуда тебе известно, сколько у него денег в банке? Я ничего не знаю!

– А я все знаю от Ленки. Он недавно звонил ей и плакался.

– Да? – Она была удивлена, но не слишком. – На меня жаловался?

– Давай о деле. Ты пойдешь в банк, снимешь со счета тысяч десять. Да, десять. Так безопаснее. Потом снимешь все остальное.

– А Игорь?!

– Он никогда не узнает.

И Саша доходчиво объяснил ей, почему ее муж не будет огорчен пропажей кровных денежек. Он просто умрет, прежде чем узнает об этом. Сразу же после того, как Анжелика снимет деньги, Саша позаботится о том, как его устранить. И все. Потом они снимут со счета оставшиеся десять тысяч, закроют его, поделят деньги пополам и начнут новую жизнь.

С этого момента Анжелика делала только то, что он говорил. Обдумать свои поступки самостоятельно не было ни сил, ни желания. В конце концов, говорила она себе, другого выхода нет. Игорь вышвырнет ее. Может быть, изобьет. Может, даже сильно, а боли она боялась. Надо его опередить. Она даже не думала, что его смерть неравноценна семейной сцене, ее позору, разводу... Хотела спастись от надвигающихся неприятностей, только и всего. До последнего момента не верила, что Саша решится и пойдет до конца. Он решился. И его жена, как ни странно, тоже.

«Вот момент, который меня поразил больше всего! – размышляла Анжелика, закуривая еще одну сигарету. – Как она согласилась участвовать? Я разыграла инсценировку, как просил Саша. Ворвалась к ним как-то вечером, упала в истерику, стала рыдать, кричать, что запуталась, что мне нужна их помощь... Не знаю, естественно я играла или нет, но мне поверили. Да у меня тогда в самом деле была истерика, истерика каждую минуту, каждый миг... Я уже не могла жить среди всего этого вранья и страха! Лена дала мне во-

ды, потом налила выпить чего-то покрепче, вроде коньяка. Я сразу опьянела, тоже от нервов, наверное, все помню, как в тумане. Помню, как Саша рассказывал ей, что написал за меня расписку. Она испугалась, когда узнала, на какую сумму и под какие проценты. Конечно, ведь это были деньги ее мужа! А кто будет платить? Саша? Или придется ей самой? Он делал с ней, что хотел, она в него влюблена, как в первый день после свадьбы. Не знаю, почему. Они друг другу не подходят. Тут Игорь был прав. Только в одном он ошибся. Он думал, что благоразумная Лена повлияет на безрассудного Сашу. А вышло все наоборот. Стоило Саше чуточку на нее нажать, и она согласилась участвовать в убийстве. Сразу согласилась? Кажется, она сидела, как громом пораженная, смотрела то на него, то на меня. Саша обставил свой план так, словно он только теперь пришел ему в голову. Если бы она не согласилась, он бы все представил как нелепую шутку и придумал бы другой план. Так он мне обещал. Но она посидела молча минут пять и сказала, что согласна нам помочь. Я даже протрезвела в тот миг. От изумления. Помню, что потом я вдруг начала реветь. Наверное, поняла, что все это не шутки, мы действительно его убьем. И еще подумала, что оказывается, даже Лена не испытывала к моему мужу никаких добрых чувств, хотя ведь они так мило болтали, когда встречались! И вот – она дала согласие. Да, с пьяных глаз мне вдруг стало жалко Игоря. Саша назвал меня душой. Сказал, что я заварила кашу и придется теперь вытереть слезы и

немножко поработать. Тогда мы все обсудили до конца, уже в деталях. Накануне убийства я должна была пойти в банк и снять десять тысяч с нашего общего счета. Саша дал мне все инструкции, как это сделать, чтобы не вызвать в ком-то подозрений. Потом я должна была поехать прямо в казино. Остаться там до утра, обеспечивая алиби. Вернуться только на рассвете, увидеть труп, вызвать милицию. Саша и Лена должны были явиться к Игорю поздно вечером, без предупреждения, без звонка. Лена была необходима для того, чтобы он открыл им дверь, на брата он злился. У них были дубликаты ключей, которые я сделала, но ими они должны были воспользоваться только в крайнем случае. Они должны были посидеть немного, выпить кофе. Далее все выглядело так: Лена ведет светскую беседу, Саша встает, отходит за кресло, в котором сидит Игорь, накидывает ему на шею удавку и душит. Лена держит его за ноги, чтобы тот не слишком брыкался и не производил много шума. Потом они улепетывают, прихватив для вида что-то ценное».

– Черт! – Это Анжелика произнесла вслух, так разволновалась. Вбила окурок в переполненную пепельницу, встала, обвела взглядом стены, мебель...

«Что же они прихватили с собой? Ничего? Весь наш план пошел насмарку... Они пришли к готовому трупу. Сами открыли дверь. Ничего этого не предполагалось. Они должны были имитировать ограбление. Похоже, что ничего не имитировали, иначе сказали бы мне об этом. Позвонить им сей-

час? Спросить?»

Она представила себе трехэтажную ругань, которой покроеет ее Саша, если ему позвонят в четвертом часу утра. Кроме того, заранее уговорились не обсуждать деталей плана по телефону. Кто знает, может, их слушают. Все разговоры между безутешными родственниками должны быть вполне невинными.

«Да нет, они ничего не взяли. Они же были так растеряны! Напротив, просили меня посмотреть, не пропало ли чего из квартиры? У меня есть ощущение, что чего-то нет... Но чего? Я в последнее время редко заходила в его комнату. Разве что для уборки».

Она еще раз все осмотрела, взгляд ее вернулся к пепельнице. «Ничего не замечаю, – пожаловалась она себе самой. – Все на месте, но чего-то нет. Ни за что не вспомню, я себя знаю! Если бы хоть понять, что пропало – украшение, книжка!» Книг в комнате было много, и кому они нужны? Безделушек мало, Игорь их не любил. И они были на месте – деревянная кошечка, которую Анжелика купила как-то на выставке, фарфоровый крохотный чайничек, чисто декоративный – тоже ее приобретение, вот и все. «Интересно, почему милиция не забрала окурочек из пепельницы? – спросила она себя. – Наверное, потому, что я сказала, что он мой. А ведь при них я курила совсем другие сигареты, могли бы заметить, что окурки отличаются. Куда им! Нет, на такое способна только такая балда, как я! Выкурить улику!»

Мысли путались, было тяжело думать, вспоминать, но остановиться она не могла. Чтобы хоть как-то отвлечься, она прошла на кухню, сварила себе кофе, примостилась за столом с чашкой. Перед глазами все поплыло – от усталости, от волнений последних дней... «Да, наш план сработал, но как-то странно... – думала она, осторожно касаясь губами края чашки. – Во-первых, нам не удалось все сделать в один день. Я взяла в банке деньги, сработало отлично. Поехала в казино, а Саша с Леной отправились сюда. И не смогли войти в квартиру. Подъезжая к дому, они обратили внимание, что окно его комнаты освещено. Муж был дома, как всегда в это время. Но, когда они поднялись по лестнице и позвонили, он им не открыл. Они прислушивались и были уверены, что он даже не подошел к двери, чтобы открыть. Открыть дверь своими ключами не решились – верный скандал еще на пороге, услышит весь дом. А им надо было войти как можно тише и незаметней. Если бы хоть кто-то обратил на них внимание – все пропало, ведь они здесь раньше бывали, кто-то мог опознать. Во дворе им почти ничего не грозило: время позднее, никого нет, и темно – с фонарями плоховато, их никто бы не узнал. Они были очень осторожны в подъезде, но и там все обошлось. А вот Игорь их подвел. Пришлось вернуться. Саша был взбешен, сразу поехал в казино. А я там уже вся извелась... Увидела его лицо, решила, что Игорь уже мертв, чуть не заорала... Он был не в себе от злости. Сказал, что это слишком большой риск, оставлять его теперь в живых. Если

Игорю придет в голову поехать в банк за деньгами, он сразу поймет, что я брала со счета. Нас мог погубить один лиш- ний день. На следующий вечер мы снова разыграли эту ко- медию. Я уже спокойнее ожидала новостей на «Александре Блоке». Собственно, если убийство удалось бы, никаких но- востей ждать незачем, мы уговорились, что я звонить нико- му не буду, просто поеду домой навстречу неизвестности. Но Саша снова явился, он совсем озверел. Спросил: «Можешь объяснить, почему твой супруг не отпирает на звонок?! Он мог хотя бы спросить «Кто там?!»

Оказывается, Игорь снова был дома, горело окно не толь- ко в его комнате, но и на кухне. Но – не открыл. Этого уже никто понять не мог. На другой вечер решили действовать без раздумий, слишком много было риска. Они должны бы- ли позвонить, а если он не откроет, воспользоваться своими ключами. Игоря нельзя было подпускать к банку ни в коем случае. И вот – они пришли туда, ворвались в квартиру... А он был мертв. И это было все.

Теперь у нее возникло много вопросов. Сперва, когда все впечатления были свежи, она ничего не могла осмыслить, да- же того факта, что Игоря убил кто-то не из их компании. Те- перь все рисовалось в новом свете. «Почему он не открыл им дверь в первые два вечера? – спрашивала она себя. – Че- го боялся? Ведь это могла быть и я: потеряла ключи, забыла что-то, приехала домой, передумала играть в казино... И что в таком случае? Я должна была мерзнуть на улице?! Он даже

к двери не подходил, не спрашивал, кто пришел... Что это значит? Боялся чего-то? Так боялся, что даже из комнаты не вылезал, когда слышал звонок? Боялся и ждал? Именно в те дни, когда мы пытались его убить? Теперь его поведение становится яснее... Да какое там яснее, ни черта не видно! – Она залпом допила остывший кофе. – Как могли совпасть два намерения убить его?! В один и тот же день! Точнее, в одни и те же три дня – ведь у нас было три попытки, и в первые два раза он тоже боялся, ждал кого-то... Как нарочно! Как нарочно все придумано, чтобы нас запутать! С одной стороны, прекрасно получилось. Я чиста, Саша чист, Лена ни при чем. Никто его не убивал. Деньги мы получили. Я расплатилась с долгами, Саша у меня на глазах порвал мою расписку. Огрёб почти шесть тысяч, с процентами, негодяй... Но мне уже было все равно».

«Итак, он кого-то ждал и боялся. Этот кто-то пришел, и он наконец открыл ему дверь. Или тот сам открыл ее. Тогда непонятно, почему Игорь не кричал, не сопротивлялся взлому, не вызвал милицию. Скорее всего, открыл дверь сам. Значит, больше тянуть не мог. Понимал, что придется поговорить с тем человеком. Тот человек вошел в его комнату, и дальше я достоверно знаю только две вещи: он уронил сигарету и убил Игоря. Нет, он сделал еще третье: что-то унес. Что?! Что, черт возьми?! Не помню... Не понимаю. Потом явились Лена и Саша. Надо спросить их, горел ли в квартире свет, когда они вошли. Почему это важно? – спросила она

себя. И тут же ответила: – Известно так мало, что важно все. А прежде всего известно, что Игорь сидел при свете первые два вечера. А еще что? Что еще?»

«А больше ничего. Самого главного мы так и не знаем. Кто это был, зачем он убил, и где он сейчас. Исчез навсегда? Или милиция его найдет? Да не все ли равно? Я чиста, я свободна, я не убивала, я даже не помогала убийце. Единственное, что я сделала – взяла деньги с общего счета. Но я имела на это полное право. И это не вызовет подозрений. Надо принять ванну, раздеться и наконец-то уснуть. Зачем я тогда сижу тут и мучаюсь?»

Ответ пришел сам – из ниоткуда, из тишины пустой квартиры, с темной улицы, из ее собственного больного, усталого мозга. «Мне страшно, я его боюсь. Не знаю, кто он, не знаю, как он сюда попал. Но я здесь одна. Мне страшно».

Звонок сорвал ее со стула. Она вскочила, а сердце покапало куда-то вниз, в желудок. Понадобилось время, чтобы оно вернулось на место и бешено застучало. Первый взгляд она бросила на часы. Пять утра! Невероятное время для случайного звонка! Звонили в дверь. Она стояла, схватившись за спинку стула, с расширенными безумными глазами, обливаясь потом. «Ошибка... – твердила ее трусливая половина. Другая половина, трезвая и рассудительная, возражала: – Нет, не ошибка. Никогда и никто не звонил в дверь в подобное время. Звонят именно потому, что тут убили Игоря. Потому, что здесь ты. И звонит тот, кто все это знает. Иди к

двери. Иди! Он все равно видел, что в квартире горит свет. Не притворяйся, что тебя здесь нет. Иди туда. Спроси, кто там». «А если он выстрелит через дверь?» – плаксиво спрашивала трусливая Анжелика. А храбрая Анжелика возражала: «Пальнет? И разбудит весь дом? Иди. Он ничего тебе не сделает. Ты хотела узнать, кто здесь был, так вот тебе!»

Она преодолела себя, сделала несколько шагов по коридору. В это время снова позвонили. Девушка привалилась к стене, ее трясло с ног до головы. «Какой упорный... Не уходит, названивает... Я ему нужна. Что делать? Вызвать милицию?» Возможно, это было самое разумное, но вместо этого она сделала еще пару шагов и, не подходя вплотную к двери, спросила слабым голосом:

– Кто?

– Лица, извини... – приглушенно донеслось оттуда. – Это Юра. Ты не спишь?

– А... – только и вырвалось у нее. Юра жил на той же площадке, его дверь была напротив. Этого парня она знала, пару раз говорила с ним. – Я не сплю. Сейчас...

Она отперла дверь и впустила смущенного гостя. Тот был одет по-домашнему: клетчатая фланелевая рубашка, спортивные штаны, тапочки. В руке, как заметила Анжелика, что-то было зажато. Проследив за ее взглядом, Юра протянул ей маленькую яркую коробочку:

– Цейлонский чай, очень хороший. Я думал, ты не откажешься выпить со мной чашечку...

Она пожалала плечами. Теперь страх улетучился. Во всяком случае, она была не одна. Анжелика тщательно заперла дверь, вскинула на него глаза – он был высокий, выше ее на две головы.

– А ты что в такую рань поднялся?

– Я не спал. Работал.

– Да?.. А чем ты занимаешься?.. – Она говорила безо всякого интереса, только чтобы поддержать разговор. Двинулась на кухню, Юра послушно пошел за ней, объясняя на ходу:

– Готовлю диплом. Я же шестой курс заканчиваю.

– Да? – Она поставила чайник, ополоснула две чашки. На душе у нее стало совсем хорошо – мирный визит, спокойный разговор, в случае нападения у нее будет защитник. Этот Юра хотя и худой, но зато такой высокий, представительный, широкоплечий. Она чуть внимательнее взглянула на соседа. Отметила, что он ничуть не изменился с тех пор, как она видела его в последний раз. Так же пострижены русые волосы – ежиком, те же голубые глаза навывкате, крупный горбатый нос, большие красноватые руки. Только вот глаза стали какие-то усталые.

– Постой, – улыбнулась она. – Ты же вроде только поступил в институт? Ты где учишься, во ВГИКе?

– Господи, да ты что? – удивился он. – Я поступил, уже когда ты сюда приехала. С тех пор шесть лет прошло. Я ВГИК уже заканчиваю.

– Не помню, ты кто?

– В смысле профессии? Художник.

– А-а-а... – протянула она. – Точно, я все на свете забыла... Не женился еще?

– Нет.

– И не женись.

– Лик, ты что, сердисься, что я пришел? Конечно, тебе тяжело из-за этого... – Он кивнул в сторону комнаты Игоря, и настроение у нее резко упало.

– Ты уже знаешь?

– Весь дом знает. – Юра потряс пачкой сигарет, предлагая ей закурить, но она отказалась:

– Обкурилась уже. А откуда все узнали? Я никому не говорила...

– Откуда-то узнали.

– И ты что, решил подробности разведать? – горько улыбнулась она.

– Лик, не надо... Я просто увидел, что у тебя свет в такое время, сам не спал, вышел на балкон проветриться... Решил, что ты тут изводишься одна. Вот и зашел. Можешь мне ничего не рассказывать, я же не садист. Успокойся.

– Легко говорить... – Она сняла с плиты чайник, разорвала бумажную упаковку подаренного чая, заварила, торопливо разлила по чашкам. – Ладно, спасибо, что пришел. Мне было страшно одной.

– А почему Сашка тебя одну оставил? – поинтересовался

Юра, с неодобрением глядя в свою чашку. Анжелика заварила чай почти не глядя, вышло плохо, на поверхности воды плавали чайинки.

– Сашка тоже не в себе, – пояснила она. – А я думала, что выдержу одна. Я сегодня там была, они предлагали переночевать. Да, лучше бы я там осталась...

– Милиция здорово тебя трепала?

– А почему они меня должны трепать? – удивилась Анжелика. Сама она к чаю не притрагивалась, не любила – предпочитала кофе. Юра тоже не пил. Его визит с заваркой превращался в полную бессмыслицу. «Его просто гложет любопытство, – поняла она. – Мужики еще худшие сплетники, чем бабы. А, все ясно! Его послала мамаша. Он же с мамой живет! А мама – первая сплетница на деревне. Небось сама тоже не спит, в себя прийти не может. Увидела у меня свет, послала его на разведку. Сам бы он не пришел – слишком застенчив. Да и знакомство у нас не то чтобы близкое». Иронично спросила:

– А что по этому поводу думает твоя мама?

Он сразу смешался, и она поняла, что не ошиблась в своих предположениях.

– Мама? – выдавил он. – А она тут при чем? Ей меньше всех известно про это дело...

– А кому больше всех? – поймала его Анжелика. – Да ты пей чай, ради бога, я его вообще не употребляю...

Он шумно выдохнул, как бы избавляясь от остатков робо-

сти, и довольно независимо сказал:

– Я вообще хотел сперва посоветоваться с тобой.

– Ты о чем?

– Да об этом... Не знаю, может, стоит в милицию заявить? Только боюсь тебе навредить. – Он снова кивнул в сторону комнаты Игоря.

– Я тебя что-то не понимаю... – Она не сводила с него глаз, и до нее постепенно доходило – он пришел не из пустого любопытства, вовсе нет. – Что ты обо всем этом знаешь?

– Да почти ничего, – завилил он, но она уже вцепилась в него мертвой хваткой:

– Ты что, видел вчера ночью кого-то? Да?!

Он сперва кивнул, потом вдруг резко и отрицательно помотал головой. Ей стало дурно, но на миг. Голова тут же прояснела, и в этом свете застыла одна страшная мысль: если он видел Сашу и Лену, вошедших в квартиру после убийства, тогда...

– Понимаешь... – Юра запинаясь, то, что вертелось у него на языке, явно мучило его. – Не знаю, говорил тебе Игорь или нет... У него, похоже, кто-то был.

– Я понимаю... – Язык и губы у нее были будто из ваты, слова давались с трудом.

– Я имею в виду женщину. – Сказав это, он, как будто отводя дальнейшие вопросы, схватился за чашку с чаем. Анжелика не знала, как реагировать, потому что при этом известии не почувствовала ровным счетом ничего. Ни удивле-

ния, ни злобы, ни испуга. А реагировать было надо – ее равнодушие могло показаться подозрительным. И девушка промямлила:

– Первый раз слышу... Ты не ошибаешься?

– Я ее видел.

– Когда?

– Позавчера.

– Подожди... В тот вечер, когда Игоря...

– Нет, я же говорю – позавчера! Это было накануне его смерти. Она была здесь вечером, очень поздно, около полуночи.

Сосед допил невкусный чай и бросил на нее косой взгляд. Анжелика сидела напротив него, держась очень прямо, не чувствуя ни рук, ни ног, ни даже собственных мыслей – ее всю заливал какой-то странный безразличный холод. Холод шел от сердца, наполнял грудь, поднимался по горлу... Она шевельнула губами, попыталась что-то сказать, и кухня поплыла перед ней, теряя очертания, исчезая.

Глава 4

– Как ты?.. – Он теребил ее за плечо, тряс, не давал провалиться снова в спасительный холод, в спокойную темноту. Она неохотно, но быстро всплывала из этой тьмы в свет, как надувная игрушка, которую попытались утопить. Еще один рывок – и она открыла глаза. Лицо Юры – покрасневшее от волнения, его испуганные глаза, его рука на плече...

– Нормально... – Она поняла, что лежит на ледяном плиточном полу, здесь же, на кухне. Попыталась сесть, голова снова закружилась, да вдобавок заболел правый локоть – она его ушибла при падении со стула. Юра помог ей сесть, поддерживая за плечи. Заботливо спросил:

– Может, тебе будет лучше в комнату перейти?

– Мне уже никогда не будет лучше... Посмотри-ка в холодильнике, там должно что-то быть.

– Что?

– Вино оставалось...

Он послушно открыл холодильник и действительно вытащил початую бутылку венгерского муската. Откуда эта бутылка взялась в холодильнике, Анжелика не знала, во всяком случае мускат покупала не она и пила тоже не она. Он там был, и большего не требовалось. Юра налил ей полстакана, придвинул, с сомнением сказал:

– А тебе не будет хуже? Он такой сладкий... Может, чаю

выпьешь с лимоном?

– Спасибо за заботу... – Она с отвращением попробовала ледяной приторный мускат и с возмущением прокомментировала: – Какая лошадь поставила это в холодильник?! Вино хранят при комнатной температуре.

Юра только пожал плечами, закурил, внимательно глядя на нее. Она запила мускат водой, и ей не то чтобы стало лучше, но, во всяком случае, исчез обморочный горький вкус во рту. Она тоже закурила, постепенно приходя в себя, и спросила:

– Милиции ты об этой женщине не говорил?

– Нет. Сперва решил поговорить с тобой.

– А почему?

– Не знаю... Если это была его любовница, тогда, наверное...

Она вдруг поняла, фыркнула:

– Сдурел? Думаешь, я способна на убийство из ревности?!

– А кто тебя знает... – Он нерешительно улыбнулся, но улыбка погасла, когда он встретил сумрачный взгляд Анжелики. Встревоженно спросил: – Я глупость ляпнул, да? Прости, я думал, ты о ней что-то знаешь... Конечно, тебе дурно стало...

– Мне не из-за нее стало дурно, – отрезала она. – Просто у меня сейчас два самых паршивых дня в моей жизни, а будет еще больше. Никогда мне не было так плохо. Я совсем запуталась...

– В чем?

– Во всем, – она прикусила язык. – Не знаю, как теперь жить, ведь он умер.

– Ты так его любила?

Ей не понравился его взгляд. Слишком внимательный, без тени доверия, без следа сочувствия. «Похоже, он надо мной смеется, – мелькнуло у нее в голове. – С какой стати? Притащился, чтобы сообщить о любовнице Игоря... Ничего не сказал милиции. Торчит здесь и тарачится на меня своими лягушачьими выкаченными глазами. Я с ним говорю третий раз в жизни, что он себе позволяет?»

– Опять глупый вопрос, да? – спросил он, стряхивая пепел. – У меня такой талант, на глупые вопросы. В конце концов, это не мое дело, верно ведь? Я просто решил узнать, известно тебе что-то об этой женщине или нет.

– А как ты вообще о ней узнал? – оборвала его Анжелика.

– Встретил в подъезде. Я позавчера поздно возвращался домой, захожу в подъезд, за мной входит незнакомая женщина. Я только обернулся посмотреть, кто это, и больше на нее не смотрел. Я поднимался на пятый этаж, и она за мной. Я уже решил, что она к нам идет, к матери, что ли... К вам же гости не часто ходят, да еще в такое время...

«Интересно, откуда он это знает? – задала себе вопрос Анжелика. – Неужели вел учет нашим гостям? Сашке и Лене просто повезло, что они не нарвались на него в эти три раза, когда сюда приходили... Или... Нарвались?! Что он тут

треплется, ведь явно держит камень за пазухой!»

– А на нашей площадке я еще раз на нее оглянулся, – вдохновенно продолжал Юра. – Тогда ее и разглядел. Я стал открывать свою дверь, а она позвонила к вам... То есть к Игорю.

– А откуда ты знаешь, что меня не было? – перебила Анжелика. – Что, следишь, когда я ухожу, когда прихожу?!

– Да нет... Просто заметил, что ты часто не ночуешь дома, возвращаешься на рассвете... – завиялял Юра. – Я же постоянно по ночам работаю, иногда вижу тебя с балкона...

– Я не у любовника ночую, – отрезала она.

– Я и не говорил...

– Вот и не говори! Игорь ей открыл?

– Да.

«Вот сволочь! – подумала она. – А в тот же вечер Ленка и Сашка напрасно ему звонили! Значит, он ждал ее. А как он узнал, что это она? Ни черта не понимаю...»

– Может, тебе интересно, как она выглядела? – робко спросил Юра.

– Ты и это рассмотрел?

– Ну, конечно, я ее под лупой не разглядывал, но я ведь художник, у меня глаз наметанный.

– Ну? – заинтересовалась она. – И какая она? Ничего себе?

– Ничего, но ты лучше.

– Ах, мерси, мерси... – Она смеялась, но на душе немного

потеплело. Хоть какая-то положительная эмоция за последние дни, да что там дни – месяцы... За всей этой историей Анжелика успела забыть, что она прежде всего женщина, и женщина привлекательная. – Ну, а точнее можешь сказать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.